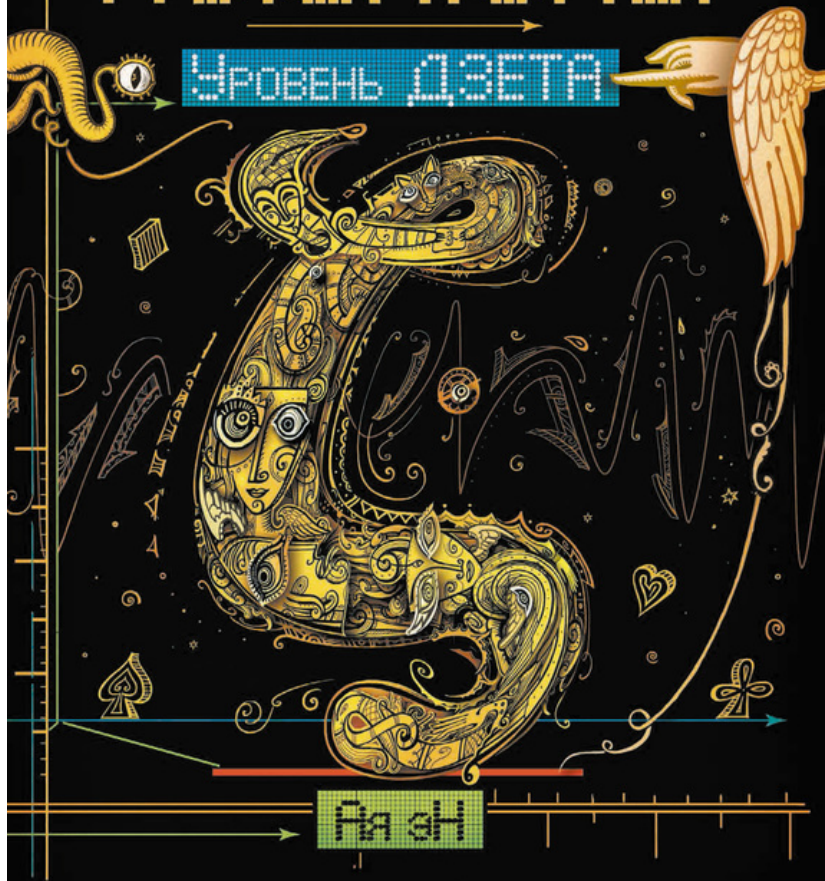

Истории

УРОВЕНЬ ДЗЕТА

Ая эН

Уровень дзета

Серия «Мутангелы», книга 5

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24181934
Уровень Дзета / Ая эН: РОСМЭН; Москва; 2017
ISBN 978-5-353-08281-1

Аннотация

В пятой книге фантастической саги «Мутангелы» нашим героям можно ненадолго расслабиться, свободно вздохнуть и порадоваться встрече со старыми и новыми друзьями. У Дюшки – каникулы. Правда, маленькие. Кто знает, насколько долговечным окажется его счастье, особенно если рядом супермутант Ризи? Впрочем, у некоторых нет даже таких каникул. Станет ли когда-нибудь прежним привыкший к своей неуязвимости ангел Дима Чахлык? Освоится ли во Фтопке Пипа Мумуш? Относительно спокойным можно быть только за Ирочку Слунс, которая всегда выходит сухой из воды. А впереди у остальных героев вновь полная неизвестность и суслик знает что.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	27
Глава 3	50
Глава 4	71
Глава 5	95
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Ая эН

Уровень Дзета

Часы справа показывали ровно два.

Часы слева – пятнадцать минут одиннадцатого.

Оба механизма не врали: они показывали внутреннее время сокращалки, и этого времени было навалом.

Ты не приобретешь власть над временем, когда станешь мутангелом, но времени у тебя будет – сколько угодно!

Инструкции, данные между строк в этой книге, не представляют *ни малейшей опасности* для любого, кто является человеком, только человеком, и никем, кроме человека.

Всех остальных мутангелов, а особенно инфилоперов (даже если они не помнят, кто они такие, и считают себя обыкновенными людьми), Мебби Клейн просит при прочтении соблюдать все необходимые меры предосторожности. Помните, что человек отвечает только за свою жизнь, а мутангелы в ответе за все происходящее.

Везде далее: *Диди* = дополнительная информация для инфилоперов.

Глава 1

Эпидемия

В мире ангелов творилось муточерт знает что. Ангелы исчезали пачками. За всю многовековую историю развития ангельской цивилизации такая эпидемия случилась впервые, поэтому эксперты не знали, что и подумать. Кроме самих ангелов таинственным образом пропадали некоторые предметы, например, капсулы переноса между мирами, микролептонные циркули, силки для ловли заблудших душ и прочая подобная дребедень. Самой большой потерей был побег знаменитого демона Максвелла, который тысячи лет считался ручным, а тут вдруг прогрыз дыру в своей камере и дал деру.

Перед исчезновениями ангелы сначала начинали мелко дрожать, затем их обыкновенно пробивало на хи-хи и... и все, и ку-ку! Был ангел – и нету! Один исчезнувший херувим младшего ранга, впрочем, вернулся. Он был подавлен, разбит и весьма удручен тем, что с ним произошло. Он нес какую-то чушь относительно существования в природе неких потусторонних сил, которые тайно контролируют мир ангелов, и вообще был немного не в себе.

Диди. Демон Максвелла – один из самых известных демонов. Если не верите, спросите любого физика-теоретика Земли-12. Обычно демон Максвелла сидит в специальной камере, разделенной перегородкой на две части, и занимается ерундой, о которой подробно написано в учебниках для студентов.

Диму Чахлыка пробило на хи-хи спустя мгновение после того, как у него из-под носа неведомым образом исчезли капсулы с Ризом, Дюшкой и Элиной. А с Рональдом Э-Ли-Ли-Доу все при этом было в полнейшем порядке. Он так только, потрясся немного, минут восемь примерно – и все, отпустило. Рон был в шоке. Рон не знал об эпидемии, поскольку на тот момент никакой эпидемии еще не было, только отдельные прецеденты, но в любом случае, чтобы вот так, буквально из-под его носа, мгновенно, бесследно, причем не только Дима, но еще и ребята!

Правда, в момент исчезновения капсул переноса между мирами, в которых спали Дюшка Ключкин, Ризенгри Шорт-эндлонг и Элина Нарциссова, Рон находился довольно далеко от них, на другой планете и даже в другой звездной системе, но – ха-ха! – какое это имеет значение для ангела, готового принять капсулы?! Рон прождал довольно долго (на восьмиминутную тряску он не обратил должного внимания, решив, что, возможно, простыл), после чего отправил на Землю-4 свою подружку Лили. Лили вернулась спустя пару минут с круглыми глазами и странными новостями.

– Их там нет! – сказала Лили. – И даже следов нет.

– Кого нет? – нахмурился Рон. – Неужели Ризи ухитрился сбежать, захватив ребят, и Диме пришлось... Я даже не могу предположить, что могло произойти... Может, ты перепутала дом? Или этаж? Полетели, найдем его в тонком состоянии и все выясним.

– Рон, как я могла перепутать дом или этаж, когда у меня были точные координаты?! И вообще, ты, видимо, не понял. Я почему так долго? Не обнаружив никого в материальных телах, я, разумеется, перешла в тонкое. Но следов не было. Тогда в сверхтонкое. Ничего. Вот потому я теперь тут с круглыми глазами!

Справедливости ради надо заметить, что к этому моменту глаза Лили уже успели принять обычную миндалевидную форму.

Диди. *Что такое «след» в тонком и сверхтонком состояниях? Цивилизация ангелов существует так давно и продвинулась так далеко, что кроме основных тел, ангелы (и англоиды) имеют как бы «копии тел», состоящие не из привычных нам молекул и атомов, а из иным образом структурированных кварков. В этих структурах как бы кварки как бы находятся на значительном расстоянии друг от друга, тем не менее сохраняя довольно сильную связь. Почему «как бы кварки»? Потому что они находятся там в непривычном для нас виде; кто уже знаком с тем, что любая частица в микромире – одновременно и частица, и волна, тот это поймет. А почему «как бы находятся»? Это сможет понять тот, кто знаком с принципом неопределенности Гейзенберга; строго говоря, нельзя сказать, где именно в пространстве располагаются тонкие тела ангелов или части этих тел... Ситуация со сверхтонкими состояниями еще более запутанная.*

Но! Тела ангелов, как в тонком, так и в сверхтонком состояниях, проникают друг сквозь друга. Подобно тому, как десять или даже тридцать учеников могут одновременно находиться в одном классе и каждый из них взглядом и слухом может охватывать всех, множество ангелов спокойно совмещаются в одном участке пространства. Теперь представьте себе, что ученики занимаются вместе в одном классе много-много лет, причем могут временно выходить из класса, но не могут забирать свои учебники, тетрадки

и так далее. Вот все эти книжки-тетрадки и есть аналог «следа». Представьте, что один из учеников вышел. Допустим, вы не заметили, как он это сделал. Но если никто не заметил, если не хлопала и вообще не открывалась дверь в коридор, если исчезли не только его тетрадки, но и, скажем, парты, если его фамилии больше нет в журнале...

Выслушав доклад Лили, Рон, не медля ни секунды, перешел в свертонкое, убедился в отсутствии следов Димы и почти мгновенно материализовался на Земле-4, в комнате Героя Риза Шортэнбла.

Петухи уже пропели, День вступил в свои права, однако, по случаю раннего утра, все еще спали. Вокруг никого не было, если не считать Лили, скользнувшей вслед за своим другом тихой тонкой тенью.

Рональд Э-Ли-Ли Доу поозирался по сторонам, почесал голову (в отличие от Лили он находился в плотном виде).

– Ну что, убедился?

– Но это невозможно!

Камер переноса действительно не было. Стена, выходящая к лестничным пролетам, оказалась разрушенной. К счастью, целыми остались камеры наблюдения, обычные видеокамеры, с Земли-12, которые Дима установил тут давным-давно и тщательно замаскировал.

Рон извлек из камер шары памяти, восстановил стену (получилось не очень-то аккуратно, но аборигены спишут все

на Силы Ночи, так что ничего страшного, сойдет).

– Давай домой!

Ангелы вернулись в дом Димы (тот самый, в котором одно время жил Дюшка) и стали смотреть записи камер.

Вначале ничего интересного не было. Вот вошел Ризи. Вот, вскоре, Элина. Вот они разговаривают, недолго. Входит Дима. Элина немедленно засыпает. Дима что-то объясняет Ризу (звука почему-то нет), уничтожает фотоаппарат, сжигает тетрадки, фотографии. Вот мигают фонари, предупреждая о скорой Смене.

– А почему звук не записался? – поинтересовалась Лили.

– Ризенгри обнаруживал камеры по динамикам, пользуясь эхолокацией. Так он когда-то вычислил их, все до единой, в СУМАСОЙТИ. Ну, на этот раз Димка решил не рисковать...

– Так можно же было использовать видеоны Земли-13 или не знаю... гаджеты Земли-28... У них там вся электроника крутая.

– Возможно, ты права, но что теперь об этом говорить? – пожал плечами Рон (сейчас они оба находились в плотном состоянии, так было удобнее работать с аппаратурой) и прибавил: – В принципе, мы могли бы соскользнуть в прошлое и посмотреть так, но история Земли-4 ангелами сохраняется фрагментарно...

– Да, смысла в этом нет, – согласилась Лили. – Но ведь, в случае чего, мы сможем расшифровать их разговор по гу-

бам?

– Надеюсь.

Стали смотреть дальше. Вот вошли Дюшка и Рон. Вот Дюшка упаковался в одну из камер. Вот Рон исчез с экранов, перейдя в сверхтонкое... С этого момента стали смотреть внимательнее.

Вот Ризи тоже отправился в камеру переноса, как раз в момент Смены Дня и Ночи. Крышка закрылась. Дима стал говорить о чем-то с Элиной, девочка выглядела растерянной и подавленной, впрочем, ничего удивительного. Они довольно долго разговаривали. И довольно спокойно. Затем рядом с двумя камерами появилась третья.

– Ого! – воскликнула Лили. – Ничего себе поворот! Кажется, разгадка близка. Этот обалдуй опять решил нарушить правила и отправить их вместе на... Но куда, как ты думаешь?

– Нет-нет, – быстро возразил Рональд. – Про третью камеру он предупреждал меня, это не было никаким нарушением. Дело в том, что частичка Старка попала в Эльку, поэтому ее можно было взять сюда. Вообще наши планы были такими. Дюшку взять сюда. Элю – по ситуации, в зависимости от того, как она себя поведет. Но в принципе мы собирались ее тоже забрать.

– Что значит «в принципе»? – не поняла Лили. – Ты так говоришь, словно вы собирались интересоваться ее мнением относительно ее будущего!

Диди. Ангелов-хранителей, а также ангелов-спутников и уж тем более ангелов-экспертов не очень волнуют истинные желания и намерения аборигенов некоторых земель, таких, как Земля-4, Земля-11 или Земля-12. Вот за гуманоидов Земли-28 они решать не могут.

– Конечно, мы собирались! – воскликнул Рон, поставив запись на паузу. – Я же тебе объяснил, Эля – это не совсем Эля, в ней частичка Старка! Зачем было бы Диме разговаривать с Элей, тем более объяснять ей, что произошло?! Он пытался выяснить, насколько Старк осознает, что попал в других людей, например, в нее. Возможно, мы могли бы ему помочь, доставив девочку сюда...

– И девочке заодно помочь, – кивнула Лили. – Если бы удалось освободить ее от чужой частички, она смогла бы опять полноценно жить своей жизнью. Замуж выйти, детей нарожать... Что они там еще интересного делают-то?

– Сны смотрят! – Рон не выдержал и, невзирая на напряженный момент, хихикнул. – Ночью они живут примерно так, как жили бы с отключенными наведенными моральными принципами...

– Как животные то есть?

– Ага, почти. Днем эти принципы у них включаются, а ночная память блокируется. И они думают, что смотрят по ночам интересные сны, но просто их забывают. Некоторые

слегка привирают, будто помнят свои сны, и рассказывают чушь о стра-а-шных Силах Ночи, которые похожи на черные тени, и всякое такое... Но на самом деле никто ничего не помнит.

– Слушай, а как это возможно? В смысле, физиологически – как?

– А у них память в мозге разнесена, задействован второй слой коры мозга... Ты у Кэгга спроси, он спец по четвертой.

– Это который друг Старка?

– Он самый. Кстати, они на четвертой вместе стажировались, только это давно было.

– Так я лучше у самого Старка спрошу. Конечно, он сейчас плох, но не настолько же...

Рональд Э-Ли-Ли Доу не стал возражать, хотя мельком подумал о том, что не заметил следов Старка в сверхтонком состоянии, когда искал Диму Чахлыка, и пустил запись дальше.

Дальше было самое интересное. Дима и Элина подошли к камере переноса, в которой лежал Дюшка, и открыли ее. Вид у Дюшки был удивленный. Он о чем-то спросил у Димы, но ответил ему не Дима, а Эля. Она произнесла две фразы, с небольшой паузой между ними. Вторая фраза, судя по выражению ее лица, была вопросом. Дюшка задумался. Несколько секунд он молчал, и за это время Дима успел едва заметно усмехнуться, а Эля Нарциссова – с жаром кинуться к Ключкину и схватить его за руку. И даже потрясти. После этого изображение на камере вдруг пошло волнами, мелкой ря-

бью. А когда картинка восстановилась, камер переноса, Эли, Дюшки и Димы в комнате с разрушенной стенкой уже не было. Рон и Лили напрасно прокручивали запись вперед и назад несколько раз, ничего больше не было.

– Ерунда какая.

Наверное, Рону и Лили нужно было немедленно обратиться к экспертам или другим вышестоящим ангелам. Наверное, это могло бы помочь в расследованиях. Но они решили отложить это дело на завтра. А на завтра началась эпидемия, и ангелы стали исчезать пачками и при этом – странное дело! – как-то незаметно.

Незаметнее всех пропал бывший ангел-эксперт Старк. Никто не мог сказать точно, когда и как он окончательно исчез. Многим было известно, что первые свои частички Старк потерял, исследуя черепашек, водоросли и процесс превращения Лещицы Мымбе в крысу. Еще более широкую известность получила история в Саду Погибшего Ангела. Тогда Старк, пытаясь сохранить память о Дженифер, разбросал ее частички по разным мирам. При этом Старк сам ухитрился угодить в тысячи тысяч разных людей.

Старк тогда попал в Дюшку Ключкина, который в тот момент был привратницей Марией на Земле-4 и очень страдал из-за своего неуклюжего тела.

Старк попал тогда в Элину Нарциссову, которая уже научилась есть маринованных кроликов и влюбилась в Ризи.

Старк попал в маленькую Лизу Сестру Героя, которую когда-то Дима и Рон сделали похожей на Джени Шортэндлонг.

Старк попал в Мамаша Мумуша и Пипу Мумуш. Причем вместе с Мамашем он исчез (к этому моменту Мамаша уже не было на Земле-75), а вместе с Пипой потихоньку продолжал жить дальше (в этот момент она тоже находилась довольно далеко от родной планеты, но об этом чуть позже).

Старк попал в столько людей, что почти полностью растворился в них.

Раньше Старк любил находиться в плотном теле, похожем на человеческое. Он был невысоким, поджарым юношей, загорелым и мускулистым. После истории с Джен, после погружения в Океан, Старк предпочитал тонкое или сверхтонкое состояние. Так ему было легче.

Никто не мог сказать, исчезал Старк из сверхтонкого состояния постепенно, квантами, или это произошло сразу, в ту самую ночь, когда Рон и Лили изучали видеозаписи Земли-4.

Диди. «Ночь» в данном случае выражение образное. Ночь была на том полушарии Земли-4, где располагался городок Элины Нарциссовой, Припуцино. Ночь окутывала двойным лунным сиянием побережье залива, на который выходили окна Онна Вари Ворониной. А, например, над погруженной в вечный сон Моксвой Земли-11 в это время царствовал день.

Что касается внутренних часов многочисленных сокра-

щалок уровня Пи, они исправно стояли, указывая момент совмещения временных коридоров миров, между которыми проложено соединение.

Итак, эпидемия началась. Лучшие теоретики цивилизации ангелов немедленно объединили усилия в поисках причин катастрофического положения. И кое- что раскопали. Выяснилось, что виной всему – кро-о-ошечная физическая величина, постоянная Шланка, которая перестала быть постоянной и в некоторых точках пространства становилась переменной. И даже не просто переменной, а еще хуже: она становилась комплексным числом, содержащим мнимую единицу! Вот эта мнимая составляющая и добивала совершенно не мнимых ангелов! Ужас.

Но ужас этот касался в основном мира ангелов. Что касается жителей почти всех миров с обычными трехмерными пространствами и свернутыми до десяти в минус тридцать пятой степени остальными измерениями, они ничего не почувствовали. В мире же мутангелов, на бесконечной бране или уровне Пи, некоторое напряжение возникло. Но оно было связано в основном с техническими и бытовыми проблемами, к которым мутангелы были готовы. Янанна принимала непосредственное участие в решении этих проблем.

Само по себе появление на уровне Пи Маши Малининой и Рино Слунса проблемой не было. Бывали случаи, когда в мир мутангелов попадали существа, не являющиеся мутан-

гелами. И тут надо кое-что пояснить.

Во-первых, в очень редких случаях особо продвинутые в техническом плане гуманоиды могут, не становясь мутангелами, стать инфилоперами или создать устройство, позволяющее разворачивать свернутые на наноуровнях пространства и прокладывать что-то вроде сокращалок или кротовых нор. И совсем-совсем в редких случаях их заносит на брану, то есть на уровень Пи. Таких заблудившихся путешественников мутангелы обычно просто отправляют домой или корректируют их путь, чтобы они оказались там, где собирались оказаться.

Во-вторых, существами, попадающими на брану, часто становятся не люди и не гуманоиды, а... вымышленные существа, которые обретают тут свою полноценную сущность. Это сложный процесс, и почти невозможно заранее предсказать, кто из вновь созданных персонажей сможет обрести свою сущность на Пи. В любом случае, это все очень мило и совершенно безопасно, хотя тоже требует внимания и контроля.

В-третьих, на Пи порой случайно попадают люди, которые не должны были сюда попасть. Например, Рино и Маша. Тут начинались некоторые проблемы. Таких «попаданцев» требовалось адаптировать, изменяя их. Но изменять другую личность недопустимо, это противоречит принципам мутангелов! Приходится каждый раз идти на компромисс. Случай с Машей оказался не очень сложным, почти сразу бы-

ло понятно, что обойдется без серьезного вмешательства. А вот Рино оказался крепким орешком. Доля «здоровой агрессии», на которой зиждется эволюционный прогресс, в Рино была о-го-го какая! Он был прирожденный охотник, он жаждал побед на полях сражений и прочих приключений в том же духе. Обуздать такой воинственный нрав проще простого, но ведь тогда Рино отчасти перестал бы быть самим собой! Впрочем, эту задачу мутангелам удалось решить.

Ну, и в-четвертых, на Пи крайне редко, но попадают ангелы и ангелоподобные существа, которые... которых... с которыми... Ох, вот тут начинались настоящие проблемы! И каждого-то отдельного ангела невозможно вернуть «в как было», а уж когда они стали шлепаться на Пи пачками...

Для решения третьей и четвертой проблем мутангелам Мебиклейна понадобились: одиннадцатимерный полигон, частички Старка, Маша и Рино. Маша и Рино, разумеется, целиком.

Янанна еле дождалась окончания праздника на острове, апогеем которого стало «вручение» двух роскошных подарков-Оннов (вручали символические ключи-пластинки на магнетиках), и подошла к взволнованным ребятам, стоящим на набережной, заполненной вернувшимися жителями.

– Мои поздравления! – улыбнулась она обоими ртами, обняла Машу и дружески сжала локоть Рино. – Пусть на любой дальней дороге свет сотен солнц всегда дует вам в спину, оставляя...

Рино едва ли слышал хоть слово из длинного пожелания. Он пожирал глазами гигантский корабль – вершину инженерной мысли эпохи последних парусников и первых шагов в направлении стимпанка.

– Эй, скажи че-нить уже! – ткнула его под ребро Маша.

– А? Что? Что я могу сказать... Он мой, мой, мой! Это же вообще суслик и суслик вообще... Мой собственный корабль!!! Онн...

Рино только предстояло провести ночь на этом судне, но он уже заранее являлся его Онном. По мутангельским правилам Онном считается место, где ты проводишь первую осознанную ночь на Пи, где ты впервые засыпаешь после того, как узнал, что стал мутангелом, а Рино узнал об этом только сегодня. Что же касается Маши, трансформация которой произошла раньше, ее Онном стал один из домов острова.

– Ы-ы-ы! Да не мне ответь! – Малинина скорчила страшную рожу и кивнула в сторону Янанны.

– А-а-а! Понял! – понял Рино. – Спасибо вам огромное!!!

Янанна улыбнулась. Машка фыркнула.

– Ты все прослушал? Нас приглашают в Мебиклейн, просят помочь. Ты согласен?

Рино был абсолютно на все согласен. Любой мальчишка на его месте пребывал бы в таком же полном шоковом восторге и безоговорочно был бы согласен на что угодно. Еще бы! Еще на рассвете он улепетывал от страшного лысого паукоеда и прощался с жизнью, а сейчас стоял, окруженный

толпой друзей, оглушенный новостью, что на Пи можно все, и это навсегда, и готовился взойти на свой собственный корабль – и какой корабль!!!

– Я согласен, согласен! – кивнул он, переводя взгляд с бом-кливера на ррыр-пугель. – А на что согласен? Чем мы можем помочь?

Диди. Бом-кливер – это треугольный парус (один из многих-многих парусов на больших парусниках), сделанный по средневековым технологиям Земли-12. Он находится впереди, на носу парусника. А ррыр-пугель – г-образная отводная труба парового котла (одна из многих-многих трубок), расположенного на корме, ноу- хау Земли-14.

– Помощь будет заключаться в том, что мы попросим вас поиграть в разные игры. Что-то вроде профессии тестирующего в вашем прошлом мире...

– Супер! – восхитился Рино. – Еще одна моя мечта сбылась! Мама с папой всегда надо мной посмеивались, говорили, что это не профессия, а полная ерунда, что на ней и на хлеб не заработаешь и...

– Вы с Машей будете получать неплохую зарплату, – поспешно перебила его Янанна. – Кроме того, если вам все-таки покажется, что она маленькая, вы в любой момент можете повысить ее до той суммы, которую считаете приемлемой, а кроме того...

– А кроме того... – теперь Маша перебила Янанну, – кроме того, тут вообще все что угодно можно брать бесплатно, везде-везде! Ну, кроме некоторых вещей.

– Да ладно! – В это Слунс не мог поверить, это уже было чересчур. – Если и так все бесплатно, зачем тогда работать, зачем зарплата?

– Просто тут так принято, – пожала плечами Маша.

– Работать – это так увлекательно! – улыбнулась Янанна. – Особенно если работа сложная... Да нет, любая работа, когда делаешь что-то просто хорошее, или особенное, или такое, на что никто другой не способен...

Рино Слунсу вдруг до чесотки в зубах захотелось делать что-то такое, на что никто другой...

– Я ничего особенного не умею! – немного расстроился он, не отводя, впрочем, влюбленного взгляда от своего корабля.

– Напротив! – с жаром, мало свойственным гуманоидам ее типа, возразила Янанна. – Вы с Марией в некотором смысле просто уникамы, и вас невозможно никем заменить!

Маша и Рино многозначительно переглянулись. Янанна открыла было верхний рот, чтобы прочитать вдохновенную лекцию с биохимическими и прочими примерами для наглядности, но вовремя спохватилась, закрыла верхний, открыла нижний и ограничилась короткими, простыми фразами:

– Вы очень молоды. На Пи нет детей и подростков. Мы

можем искусственно возвращать себя в детство, моделировать психологию подростка. Но это не натурэксперимент. А вы – наша удача, сюрприз. Мало того что птенчики-младенчики, так еще и залетели к нам с редкой планеты. Такой удачи у нас больше не будет.

– Да ну-у... будет еще! – Рино немного смутился, чувство это для него было новым (раньше он никогда не смущался), и от этого смутился еще сильнее. – У нас, знаете, какие сильные геймеры есть! Я им и до каблуков не достаю!

Янанна не собиралась развивать тему будущего и портить праздник. Обо всем этом можно было бы сообщить Рино и позже. Но Маша, неугомонная Маша испортила все дело.

– Кстати! – сказала она. – Кстати! Давно хотела спросить. У меня в разговоре с Варей Ворониной возникло такое ощущение, что... Что то ли с нашими родителями что-то не так, то ли с нами теперь. Короче, меня терзают смутные сомнения...

– Уже очень поздно. – Янанна сделала последнюю отчаянную попытку отложить сложный разговор. – Давайте поговорим об этом завтра.

– Лучше сегодня, я ж теперь спать не буду! – Маша взглянула на Рино, ища поддержки.

– Сегодня, – согласился Рино.

– Хорошо, – вздохнула Янанна. – Сегодня так сегодня.

Но сегодня все-таки не получилось. Новая порция праздничных фейерверков оглушила всех, и каскады разноцвет-

ных огней позволили Янанне собраться с духом, дав десятиминутную передышку. А спустя десять минут наступило завтра.

– По нашим сведениям – сведениям, полученным, в частности, от фрагментов ангела Старка, а также из других источников, жизнь на вашей планете сейчас остановлена. Она остановлена ангелами. Вы – последние живые представители Земли-11. Мне очень жаль. Примите мои соболезнования.

– Ч... что?! – Маша открыла рот и осталась стоять с открытым ртом. – Что?!

– Инфа от ангела? Но... Ангелов ведь не существует... – Рот Рино остался на месте, но его брови взлетели вверх, на максимальную высоту.

Спустя примерно три часа Маша и Рино остались на корабле почти одни. Почти – потому что почти все остальные легли спать, и этих остальных было совсем немного. Да, этому кораблю было суждено стать Онном Рино, но Онн – это не всегда место, которое принадлежит тебе и только тебе. А чтобы управлять большим кораблем, нужна большая команда, и она не может сойти на берег вся.

Ребята сидели в огромной каюте, больше напоминающей зал для светских приемов, чем помещение для сна на корабле, и молчали. Они понимали, что надо расходиться, идти спать (Маше предоставили отдельную каюту, поскромнее, когда она изъявила желание тоже спать на корабле).

– Что будем делать? – наконец выдавил Рино.

Маша пожала плечами.

– Я не верю, что все так... Никак... – продолжил Рино. – Ты как хочешь, но я верю, что моя мама выжила. Она не могла просто так умереть под пленкой, понимаешь? Кто угодно, но не она...

В окна каюты была видна ярко освещенная пристань. И снег. Опять пошел снег. Красиво.

– Я тоже не верю в конец света, не-а, не верю! – Губы Маши предательски дрожали, она сдерживалась из последних сил, привычка считать, что плакать неприлично, сидела в ее мозгу очень прочно.

– Я вот что решил. – Рино смотрел в окно и говорил очень медленно, медленнее, чем кружил за стеклом снег. – Мы теперь мутангелы, значит, мы их спасем. Когда-нибудь, обязательно. Мы сможем! Мы же с тобой теперь вечные. А на нашей планете все под пленками, спят вечным сном, то есть тоже вечные. Мы вырастем, что-нибудь придумаем и спасем их всех. Да?

Маша сказала:

– Да!

И все-таки разревелась.

А потом, отревевшись, уснула, где сидела, на диванчике.

После праздников они переехали в Мебиклейн, поближе к многомерному Дзета-полигону, на котором Янанна и дру-

гие мутангелы тестировали разные игры, и, конечно, далеко не только игры, а еще много разных разностей, позволяющих решить насущные проблемы, связанные с переходом постоянной Шланка в переменную, да еще и комплексную.

Спустя всего каких-то полгода-год из Маши получился очень приличный и ответственный тестировщик. Что касается Рино, он немного ленился и на полигоне чувствовал себя уверенно только в классических трехмерных локациях. Но Янанна и все ее коллеги считали, что это нормально, что он еще вырастет и тогда себя покажет. Работа не отнимала у ребят много времени, к тому же она оказалась очень интересной. Вы бы отказались играть в игры, тем более если это может помочь остановить эпидемию? Гм... эпидемию среди тех, кто остановил жизнь на твоей планете...

Глава 2

Дзета-функция

Туман, игольчатый, колкий, почти в точности такой, какой бывает в реалитивизоре, когда строишь свою псевдореальность, но толком не знаешь, что именно собираешься соорудить, – такой туман окружил Дюшку со всех сторон, обволок и словно пробрался даже внутрь, под кожу, к самым косточкам. Под ногами стало мягко и неуверенно. А воздух... Дюшка попытался вдохнуть (людям и первым мутантам настоятельно рекомендуется дышать глубже, когда они взволнованны), но не понял, получилось у него или нет. «Видимо, Дима перетаскивает меня между мирами, забыв поместить в

капсулу!» – подумал Дюшка. У него не было уверенности в том, что его брэнная тушка выдержит подобное космическое путешествие, но волнения по этому поводу он не испытывал, мысль была одна: скорей бы все окончилось. Что «все»? Да все: перенос между мирами, решение, что будет с Ризенгри, вообще жизнь. Если бы Ключкина спросили, хочет ли он помереть сейчас и навсегда, он бы, не задумываясь, согласился помереть. Но его никто не спрашивал.

Некоторое время он молча стоял на зыбкой почве, стараясь не шевелиться. По его расчетам, перенос между мирами не должен был занять много времени. Но мутоминуты шли, и ничего не происходило.

Диди. Мутоминуты, муточасы и т. д. – внутреннее время, текущее в сокращалках и разворачиваемых пространствах, доступных инфилоперам. По ощущениям мутоминута равна обычной минуте. Однако в обычном мире при этом может пройти совсем другое «количество времени».

Потом кое-что произошло: отчаянно зачесался нос. «К дождю!» – подумал Дюшка и поднес руку к носу. И сразу произошло еще кое-что: пошел дождь. Мелкий-мелкий. И еще кое-что: нос почесать не удалось – из ладони что-то тянулось.

– Мамочки мои! – Дюшка непроизвольно отпрыгнул от собственной ладони.

Хотя прыжок получился знатный (на соревнованиях по прыжкам назад, которые очень популярны на Земле-13, эта попытка стопроцентно посчиталась бы успешной), далеко от ладони отпрыгнуть не удалось, она все еще оставалась на расстоянии вытянутой Дюшкиной руки. Основания пальцев светились так, как на картинках в детских книжках изображают радиоактивное сияние хорада новогодних елочек, и из центра этого сияния тянулось что-то странное, синее-синее.

Диди. Тут имеются в виду елочки и книжки Дюшкиной родной Земли-11. На других планетах елочки-мутанты не светятся и новогодние хораводы не устраивают.

Очень медленно и осторожно Ключкин вытянул вперед вторую руку и раскрыл ладонь. Она тоже сияла таким же глубоким сине-черным светом. Дюшка потрогал одной рукой другую. Сияние не пропадало, нити тоже. На мгновение Ключкин подумал, что это не нити, а просто лучи. Может, это такой спецэффект при переносе между мирами, что-то вроде этого... электростатического поверхностного заряда, или напряжения, или как там его? Но, попробовав «луч» на ощупь, убедился: это нить. Плотная и шершавая. И мокрая. – Мокрая, наверное, от дождя, – пробормотал он.

Откуда она? Дюшка напрягся и вдруг вспомнил: Эля! Да! Последнее воспоминание о Земле-4 было такое: Элина бро-

сается к нему, хватает за руку и... и вроде бы на ней был такой браслет, из ниточек, вроде бы она намотала его ему на руку и... и после этого Дима, очевидно, закрыл капсулу переноса и отправил его... сюда. Да, так все и было. Но почему теперь эта нить разделилась на несколько и растет из его руки?

– Ладно, ерундиссимо с плюсом, – пробормотал он. – Может, это мне все снится или мало ли что. Когда все окончится, спрошу у Димы, что это было.

Но пока что ничего оканчиваться не собиралось.

Нос все еще чесался. Дюшка попробовал потереться им о плечо, но потом плюнул и потер рукой. Нить вроде бы не мешала.

Нос больше не чесался.

Дождь продолжал моросить.

Земля под ногами покачивалась.

Клюшкин стоял дурак дураком и не знал, что делать. Попробовал хотя бы сесть, но, опустившись на одно колено, передумал. Ну вот, теперь еще и левая брючина мокрая и грязная!

«А вдруг это надолго? Лет на сто? – с ужасом подумал он. – Что делать-то? Что же делать?!»

Спустя примерно муточас, а может, и мутодва Клюшкин начал беспокоиться всерьез. Часы, которые носила консьержка Мария Клушкина, так и остались на Дюшкином запястье после того, как ему вернули его родной облик. Но

они стояли. Не показывали ни мутовремя, ни время Земли-4, ни какое-либо другое. Вероятно, в межмировом, космическом или как его там, пространстве примитивные механизмы не работали. За эти час-два Ключкин совершенно промок, извазюкался в грязи, ухитрившись упасть на ровном месте (всего-то шагов пять в сторону сделал – и на тебе!), несколько раз звал на помощь Диму и Рона и даже на всякий случай оперхрюкнул, отправив в игольчатую дождливую взвесь один из самых отчаянных сигналов. В конце концов он решил идти.

– Надо как-то отметить это место, – пробормотал он, озираясь в поисках ветки или камня.

Не найдя ничего подходящего, решил идти просто так.

– Пойду на север! – громко провозгласил он, растерянно повертел головой (туман со всех сторон был совершенно одинаковым) и решительно добавил, махнув рукой в никуда: – Север у нас будет там!

Шагать в тумане с непривычки было стремно. Все-таки это не платформа реалитивизора, которая послушно вращается под ногами в любую сторону, а ты остаешься на месте. Тут – другое дело! То кочка под ногой, то ямка под другой...

Впрочем, кроме кочек и ямок, ничего не менялось. Пройдя примерно тысячу шагов, Ключкин расслабился, разжевал и – бумц! – врезался лбом и коленкой в здоровенный темно-синий щит, на котором белой флуоресцентной краской были накаляканы какие-то кривули и значки. Самая

большая кривуля-закорючка в самом центре щита была ярко-желтая, с золотистомедным отливом.

Диди. Эта «кривуля» красуется и на обложке этой книги.

– Сто тыщ сусликов, муточерт вас всех раздери! – выругался он, схватился за лоб (синее сияние ладоней на этот раз его не остановило) и уставился на каляки. – Эй, есть тут кто?

Тишина. Дюшка вздохнул и, продолжая держаться за лоб (хорошей шишки не миновать!), обошел щит. На заднике каляк не было, были слова. Много букв на нескольких языках. Одиннадцатая по счету надпись, единственная из всех на родном языке, гласила:

«Все нетривиальные нули дзета-функции Румана имеют вещественную часть, равную одной второй».

Диди. Мы, земляне-12, смогли бы прочесть на этом щите только двенадцатое предложение. Оно было на английском и в переводе на русский звучало так: «Все нетривиальные нули дзета-функции Римана имеют вещественную часть, равную одной второй». Разница в одной букве. Просто на Земле-11 жил математик по фамилии Руман, а на нашей – Риман. А нетривиальные нули – они на любой планете одинаково нетривиальные.

Клюшкин прочел про нетривиальные нули три раза, ничего не понял и принялся изучать щит с той стороны, где красовались каракули, при ближайшем рассмотрении оказавшиеся графиками и формулами.

– Црень какая-то! – выдал он наконец.

Диди. Црен или црень – это трава такая. Сорняк. Земля-4. Южане ее называют црен, без мягкого знака. Северяне – црень, смягчая. Город, в котором жила Элина, был северный.

Дюшка еще раз позвал по очереди Диму, Рона и Лили, выждал минуту, задрал голову и отправил в небо один из самых душераздирающих оперхрюков. Затем, не зная, что еще можно предпринять, потер доску пальцем. Краска не стиралась.

Дождь продолжал висеть в воздухе (наличие воздуха оставалось все еще под вопросом), Клюшкин вымок до нитки и уже давно оставил всякие попытки протереть лицо или выжать волосы (они у него были теперь длинные, до плеч, и уже не такие рыжие, как в детстве, лишь слегка отливали медью).

– Не стирается, – сам себе сказал он. – А на вид на школьный мел похоже...

Потер посильнее. Нет, не стиралось.

– Ну да, мел давно бы дождем смыло... А если ногтем поскрести?

Дальнейшие нехитрые эксперименты показали: надпись пальценестираемая, дождеустойчивая и ног-тенесоскребаемая, но зато странно-изменяемая при попадании синих нитей-лучей.

– Ага! – сказал Дюшка. – Ну хоть что-то!

И принялся (наконец-то!) изучать то, что излучалось из его ладоней.

Увлёкся, надо сказать.

Не заметил, как дождь прошел, надо сказать.

Не заметил, как позади появилось выдавшее виды, но мягкое и сухое кресло, как опустился в него, как стал записывать результаты своих опытов в странноватую большую тетрадку с бежевыми, словно выгорели на солнце, листами...

Выяснилось следующее. Нить тянулась, но не сильно, ее удалось удлинить всего на несколько сантиметров, причем сил ушло столько, словно вагон разгрузил. Да и то – не удлинить, поскольку она рассеивалась в пространстве и в этом смысле вела себя подобно лучу света.

– Ладно, человека-паука из меня не получится, с этим уже ясно. Теперь выясним, какой она длины...

Клюшкин пошарил на столе (да, да, момент появления перед его носом письменного стола, заваленного канцелярскими товарами, он тоже прошляпил). Линейка нашлась. Однако деления на ней были непривычные. Не Земли-11 и не Земли-4, это точно. С остальными метрическими системами Дюшка знаком не был.

– Ну хорошо, допустим, вот это – один... Один андреметр, назову в честь себя!

Диди. Мания величия и желания называть что-то в свою честь часто начинается с привычки разговаривать с самим собой.

– Итак, это один андреметр, значит, длина моей нити...
Длина нити...

Измерить точно не получалось. Было совершенно неясно, где именно нить превращается в луч. Трогаешь у самой ладони – нить. Даже видно, что она состоит из пяти более тонких ниточек, которые выходят из бугорков под основаниями пальцев, стелются к центру ладони, сливаются и потом уже поднимаются вверх. На расстоянии двух-трех ногтей – еще нить, чувствуется отчетливо. Далее, еще примерно с большой палец длиной, нить еще чувствуется, но становится мылкой, плохо уловимой. А потом превращается в луч.

Нить не мешала чесать нос, брать предметы, а также совершать другие привычные действия. Если не обращать на нее внимания, ее вроде бы и нет. Или если закрыть глаза...

Дюшка закрыл глаза и обалдел: он вполне отчетливо видел нить даже с закрытыми глазами! Кресло, стол и щит с каляками не видел, а нить – да, как ни зажмуривайся. Кроме того, были хорошо различимы похожие на браслеты опоясывающие запястья структуры. Они были черные, но перели-

вались разными цветами, если вертеть ладонью. И вроде бы можно было прочесть на них какие-то буквы. Дюшка при-смотрелся и смог разглядеть четыре, а пятая угадывалась. Буквы были Дюшке незнакомы.

Диди. На Дюшкиных мутонитях можно было прочесть древние греческие буквы Земли-12 или аналогичные им древние эллионтические буквы Земли-13. Это были буквы пи, дельта, альфа и фи. Что касается пятой, только намечающейся, это была буква дзета.

Спустя три дня Дюшка научился видеть «второй слой мира», не закрывая глаз.

Спустя неделю вспомнил о том, что у него с собой есть несколько инфошариков, на которых, в частности, сохранены все тетрадки Элиного отца и все фантастические романы деда Славика.

Спустя дней сорок (к этому времени он уже здорово освоился и оброс всеми необходимыми бытовыми предметами, включая, например, джакузи и станок для печати микросхем в домашних условиях) обнаружил во «втором слое» синие ангельские капсулы переноса между мирами и мирно дрыхнувших в них Элю и Ризи.

Спустя три месяца стал потихоньку понимать, что за формулы нацарапаны на доске-щите и что это за зверь такой – дзета-функция. Чтобы разобраться с этим «зверем», при-

шлось заняться математикой. Учебники появлялись из ниоткуда, так же как остальные предметы. Причем логика появления оставалась непостижимой: вроде бы добавлялось на самом деле самое необходимое и такое, о чем Дюшка думал (как бы загадывал или заказывал мирозданию), но при этом, во-первых, далеко не все необходимое, а во-вторых, многое из появившегося было не так уж необходимо, даже излишне, и Дюшка такого не просил. Например, роллер-гирскутер странной конструкции, или мандариновый джем с кедровыми крекерами, или полотенце-пижама с капюшоном...

Спустя полгода жизни в полном одиночестве (наличие находящихся в анабиозе друзей слегка поддерживало его боевой дух) Клюшкин почувствовал, что сходит с ума. Его успехи в математике были весьма скромными. И он не понимал, для чего ангелы его сюда засунули и что ему требуется сделать с этой клятой функцией. Кроме того, его неотступно преследовали мысли о Варе, о том, что ее нет, нет, нет. Мысли о Земле-11, о конце света на ней. Мысли о Земле-4, о том, что люди там живут ужасной двойной жизнью, причем в одной из них (дневной) не помнят о второй (ночной соответственно). Думал о своем дедушке Славике Тихоновиче, перечитывал его фантастический роман (инфошарик с романом был у Дюшки с собой) и не понимал, откуда у деда могли возникнуть в голове такие идеи. Думал о многих-многих вещах, но чаще всего – о Варе. Он вспоминал тот день, когда они были одни в доме Славика и он поил Варю натуральным

молоком, а ей не нравилось, но солнце тонуло в ее волосах, тонуло и тонуло, и это было счастье.

Дюшка не хотел жить, жизнь, особенно здесь и сейчас, была совершенно бессмысленным занятием, причем странным и вроде бы бесконечным. Но, во-первых, умереть было бы еще глупее (ему приходила в голову идея о том, чтобы просто перестать есть и пить и уснуть навсегда). А во-вторых, в капсулах спали Эля и Ризи, и ради них...

Не думать о Варе и всех погибших на его родной планете получалось, погружаясь в математику. Других развлечений у него не было. Джакузи и массажное кресло помогали расслабиться, но от тревожных мыслей не спасали. Мандариновые джемы и прочие вкусности обогащали рацион, но нельзя же бесконечно набивать желудок! На роллере можно было покататься по единственной более-менее ровной дороге метров триста длиной. А всей доступной территории было около квадратного километра. Точно измерить невозможно, потому что если идти все прямо и прямо, теоретически получалось, что уходишь далеко, хоть веки вечные шагай. Но практически оказывалось, что ты начинаешь плутать в тумане и либо маршируешь по кругу, либо возвращаешься в какую-либо точку внутри круга. Подобраться к синим капсулам с Элей и Ризи также не удавалось: Дюшка видел их довольно отчетливо, но они находились как бы здесь и как бы не здесь, не понять и не приблизиться.

Смена дня и ночи в Дюшкином пространстве происходи-

ла весьма условно. Днем становилось заметно светлее, но источник света не определялся, и светло было равномерно. Ночью же темнота наступала по градиенту (ха-ха, теперь Дюшке были знакомы такие математические термины, как градиент или дивергенция!): по краям, где пространство закручивало путника и возвращало обратно, ночью становилось черным- черным, а в центре, где располагалось Дюшкино жилище, тьма была сине-серой и весьма умеренной, при желании можно было даже разглядеть буквы в книжках, не включая лампу.

Жилище, к слову сказать, ежедневно видоизменялось, чем вносило некоторое разнообразие в одинаковые синие будни. Оно мало походило на дом в привычном понимании, поскольку стены были не кирпичные и не каменные, а непонятные. Что-то вроде мягкой ткани, натянутой между столбами разной высоты, от одного до трех-четырёх метров от пола: то ли стены, то ли ширмы, то ли театральные декорации, то ли части недостроенной юрты... Потолка, как такового, не было вовсе, впрочем, были навесы-пологи над тремя кроватями. Тремя, что вселяло надежду на выход из сна Ризи и Эли. Также навесы были над письменным столом и автоматом для танцев, которым Дюшка не пользовался. Окон и дверей в жилище и в помине не было; ванная – странная, некрасивая и как бы в яме; с туалетом – отдельный смех, он напоминал общественный, рассчитанный на восемь – десять человек (количество кабинок менялось каждые несколько

дней). Количество помещений в жилище тоже постоянно менялось. Основные «комнаты» оставались на месте, но к ним иногда добавлялись новые и, просуществовав какое-то время, куда-то пропадали. Как правило, эти новые комнаты оказывались почти пустыми, например, в них мог стоять единственный запертый сундук или колченогая вешалка. Но иногда возникали помещения, под завязку набитые всевозможными штучками. Некоторые особенно нравившееся ему штучки из этих помещений Дюшка перетаскивал к себе в спальню или кабинет, как только просек, что уже завтра комнаты, напоминающие склад барахла, исчезнут.

Диди. Эти комнаты, или склады, как их называл Дюшка, на самом деле были магазинами. Помните, как Янанна и Варя отправились за покупками в Ромоффили? Магазины не обязательно должны быть устроены по привычному нам принципу, часто стеллажи с полками, заставленными рядами одинаковых баночек, совсем не нужны, а нужно совсем другое, а именно милый хаос, эффект уютной неожиданности...

Увы, но в периодически появляющихся комнатах, набитых самыми разнообразными вещами, Ключкин не мог отыскать ничего, что помогло бы ему смириться с нелепым нынешним существованием или немного развлечься. Например, в них не было предметов для творчества. Дюш-

кино необычное хобби – мозаика – было вынужденно забыто, также не находилось ничего для лепки или рисования. Конечно, у него было полно ручек, тетрадок и фломастеров, а также циркулей и всевозможных чертежных принадлежностей. Даже была большущая доска, похожая не на школьные, а скорее на университетские доски, такие, из старинных солидных учебных заведений, в которых все сделано на совесть, на века. Но рисовать в тетрадках или на этой доске было как-то несподручно. В общем, Дюшкино хобби вынужденно осталось в прошлом.

Невероятно, но факт: жизнь в синем колючем тумане изменила Дюшку гораздо сильнее, чем все, что происходило с ним раньше. Чем гибель родной планеты. Чем знакомство с ангелами. Чем пребывание в теле пожилой консержки на Земле-4. Чем обретенные (пусть и ненадолго) способности летать в тонком теле, ловить во сне память белой лошади из Сада и так далее. Спустя полгода, проведенного в синей реальности в занятиях математикой (да, да, тут на самом деле больше особо не на что было тратить время!), Дюшка понял не только то, что он потихоньку сходит с ума, но и то, что стал немного другим.

Каким?

Взрослым.

И спустя день после того, как он осознал свою взрослость, никак не связанную с реальным возрастом (поскольку биологически он оставался совсем молодым парнем, «пять ми-

нут как не подростком»), Дюшка понял, что надо делать с этим странным пространством. Примерно то же самое, что математик Руман сделал с графиком функции дзета: по нему надо идти, только не тупо по прямой. Не по той единственной «вещественной» или реальной, привычной прямой, которую мы на уроках алгебры считаем осью абсцисс, не по той прямой дороге, которую мы в обиходе называем «жизненным путем». Дюшка понял, что внутри привычного ему с детства трехмерного пространства есть и другие пространства. Они не параллельные, как описывается в бульварных фантастических романах. Они – в каждой точке этого пространства, в каждой!

Вообще, говоря начистоту, эта идея не принадлежала Дюшке. Он ее давно вычитал в тетрадях Элиного папы, когда листал их синими долгими вечерами от нечего делать. Только он не сразу проникся и поверил в то, что это может быть правдой. А потом потихоньку нахватался объяснений из учебников математики и начал докумекивать, что настоящая фантастика может быть не придумкой, а очень даже реальной реальностью. И последнюю каплю в чашу осознания того, что именно надо делать, добавил... Славик Тихонович, Дюшкин дедушка. Если честно, Клюшкину не очень нравилась дедушкина книга (точнее – рукопись, она так и не была издана, помешал конец света). Ему казалось, что у деда и сюжет слишком прост, и описания затянуты, и герои странные, и их действия. Но теперь Клюшкин понял: во всем этом есть

огромная доля правды. Может быть, его дед тоже попадал в такую же переделку, как он сам теперь?

Так или иначе, однажды Дюшка понял, что надо делать и как именно идти, используя в качестве «обратного навигатора» сине-черные нити своих рук. Трудно сказать, осознал ли он в тот момент, когда делал свой первый шаг вне вещественного пространства, что уже не является ни обычным человеком, ни мутантом, ни ангелом. Наверное, не осознал. В этот момент обычно о таких философских глупостях никто не думает.

Бывают вопросы столь бессмысленные, что не стоит тратить на них бумагу и типографскую краску. Сколько секунд в одном километре? Нет-нет, не за сколько секунд этот километр проедет машина и не за сколько его проползет слизняк, а просто: сколько в нем секунд? Нисколько! Бессмысленно отвечать на вопрос, сколько времени прошло с момента, когда Андрей Ключкин сделал первый шаг в новом измерении до момента, когда слева и справа появились часы.

Часы справа показывали ровно два и стояли. Часы слева уверяли, что сейчас пятнадцать минут одиннадцатого, и тоже стояли – на своем.

– Так, отлично, – пробормотал Дюшка. – Кажется, я все делаю правильно, и времени у меня навалом.

Он внимательно огляделся – не как человек, а иначе, как умеют оглядывать невидимое мутангелы-инфилоперы или

математики. Только математики это проделывают мысленно, а инфилоперы – в реале.

– Вторая хорошая новость, пространств тоже навалом. – Дюшка вытер со лба пот.

Он имел очень, очень смутное представление о том, что надо делать дальше.

Диди. Насколько смутное?

Если дать грудному младенцу конструктор Лего, он потащит детальку в рот и поперхнется. Двухлетняя кроха тоже может попробовать кирпичики на зуб, но сообразит, что ими можно, например, кидаться. А если кроха продвинутая, возможно, догадается сцепить детали друг с другом. Пятилетний ребенок даже при отсутствии инструкций, скорее всего, построит из имеющихся деталей что-нибудь на свой вкус: домик, башенку, тележку или лодочку. Ребенок постарше сложит из набора то, что нарисовано на упаковке, особенно легко ему это удастся, если рядом будут родители и бумажка с нарисованными на ней этапами работы. Однако если взять и свалить в кучу множество самых разных наборов, без упаковок и поэтапных подсказок, и оставить тебя возле этого добра одного...

Дюшка был оставлен около этого добра один, а уровень его понимания предстоящей задачи был сравним с уровнем трех-четырехлетнего малыша. И «взрослых» рядом не на-

блюдалось. Впрочем...

Впрочем, двое были. Далеко, на горизонте.

Диди. Имеется в виду горизонт событий, физики знают, что это такое.

Двое шли не оборачиваясь.

– Эй! – завопил Дюшка. – Стойте! Стой-те-е-е!!!

Двое шли не оборачиваясь.

– Да стойте же! Вот суслик! – Он бросился догонять.

Однако догнать не получалось, хотя Ключкин бежал изо всех сил, а уходящие двигались довольно медленно. Вроде бы они становились как бы больше, вроде бы вот уже можно и детали их одежды различить, тот, что повыше, в цветастом пончо с капюшоном, второй, толстый, в шароварах и рубашке навыпуск.

– Эй! Ау! Хрюк! Я ту-ут! Да стойте же!!!

Ключкин прибавил ходу. Вот уже стали различимы волосы высокого – ежиком, складки капюшона горбом на спине, кожаные ботинки, даже видно, что на одном ботинке шнурок порван.

– Эй!

Никакого эффекта.

– Это у меня галлюцинация, – понял Дюшка, – галлюцинация плюс дежавю. Точно. Такие фигуры мы с дедом встретили в реалитивизоре, это он их придумал, это из его кни-

ги... Все. Я свихнулся. Всем спасибо, все свободны.

Однако, несмотря на слова «все свободны», идущие в синем игольчатом тумане фигуры вовсе не собирались исчезать. Напротив, они остановились, и вскоре Ключкин понял для чего. Они завтракали. Чем-то вроде винегрета. И прихлебывали из кружек, кружки были большие, королевских размерчиков.

Дюшка подумал о том, что тоже хочет пить. Надо было возвращаться «домой», к своим комнатам без потолков и щиту с функцией Румана.

Он огляделся, чтобы сориентироваться. Это было сложно сделать, поскольку его сознание, по сути, все еще оставалось примитивным, трехмерным, а сам он продолжал считать себя обычным человеком, пусть и испытавшим кучу приключений и превращений благодаря ангелам.

Часы справа показывали ровно два и стояли. На часах слева было по-прежнему пятнадцать минут одиннадцатого, но теперь они шли.

– Ах я олух! – воскликнул Ключкин. – Ору в пустоту. Дурак законченный!

Он досадливо покачал головой и стал исправлять ситуацию, выруливая в нужную сторону с помощью ладоней, притягивая мутонитями требуемое направление.

– Здравствуйте!

– Свет в спину! – приветливо улыбнулся старший, который был в пончо.

Толстячок сначала прожевал, потом кивнул:

– Привет! – И, с любопытством оглядев Дюшку с ног до головы, прибавил: – А дед где?

– Дед? – растерялся Дюшка. – Какой дед?

– Ну твой дед, с которым вы пару дней назад от нас в ку-стах прятались.

– Дней?! Это же... Это несколько лет назад было...

Толстяк присвистнул. Все помолчали.

– Мебби Клейн, – представился наконец высокий.

– Мебби Клейн. – Толстяк, тяжело вздохнув, тоже представился. – Мы – одно существо, хотя в это...

– Да я и так вижу, что одно, – пожал плечами Дюшка.

Толстяк поперхнулся, хотя в этот момент у него во рту не было ни винегрета, ни чего-то иного. А высокий посмотрел на Ключкина очень внимательно.

– Ты тут один? – спросил он.

– Да. У меня... У меня есть друзья, но они сейчас... они как бы... – Дюшка не знал языка инфилоперов, а объяснить толком на любом другом языке некоторые вещи не представляется возможным.

Толстяк продолжал кашлять, а высокий опять спросил, указав в пустоту:

– Видишь нить?

Дюшка присмотрелся:

– Не вижу. Только след вижу. След от нити. Кажется, она была белая. Или след белый. А что?

– Прокладывай пространство по этому следу.

– Вы хотите сказать, «разворачивай свернутые части пространства»? Так написано в тетрадках одного физика, если разворачивать, я примерно понимаю как. Но прокладывать – нет.

– Это одно и то же, – кивнул высокий. – Давай, действуй. У тебя получится.

– А вы?

– Мы – Мебби Клейн, Бьорки Мымбе Мебби и Мамаш Мумуш Клейн, но... Когда моя сестра окончательно превратилась в крысу и нас с Мамашем выбросило с Земли-75, я думал, что мы с ним стали настоящими мутангелами и инфилоперами. Но я ошибался. Все, что я могу, – не терять следа Лещи. Но мы сможем пройти потом, по достроенной сокращалке. Так что давай, вперед!

Дюшка растерянно кивнул. По правде сказать, он мало что понимал и все еще полагал, что его или ангелы разыгрывают, или он с ума сошел все-таки, или, может, спит.

– И последнее, – сказал высокий. – Мою сестру зовут Лещица, Лещица Мымбе, она с Земли-28. Найди ее, когда дойдешь.

Дюшка опять кивнул.

– И мою сестру тогда уж где-нибудь найди, будь добр, – вставил толстяк Мамаш. – Ее Пипа зовут, у нее десять укулов мудрости!

Дюшка опять кивнул. «Или с ума, или сплю!» – оконча-

тельно решил он.

– Кстати, насколько я понимаю, ты можешь дойти и во сне, – вдруг улыбнулся Бьорки Мебби Клейн. – Я не силен в практике, но теоретически...

«Ай, ладно, сошел с ума и сошел! Эка невидаль! – подумал Ключкин. – Ерундиссимо с плюсом!»

Глава 3

В Фтопке

– А сейчас не бойся, мы сделаем тебе маленький укол в руку... Это не больно.

Пипа и не боялась. Наоборот, очень даже обрадовалась. Во-первых, это и правда почти не больно. Во-вторых, одиннадцать уколов мудрости – так круто, что просто вообще! У них в деревне только у старосты больше – у него двенадцать. А у кого одиннадцать, тех всего четверо. Теперь будет пятеро, с ней вместе.

– Ну, ты точно не должна бояться, ты вон какая опытная и мудрая! – улыбнулась девушка-ангел.

На ангеле было надето такое короткое платье, что просто

ужас. Едва попу прикрывало. «Ангел, а тоже экономит, чтобы побогаче быть! – подумала Пипа. – Вон, на мужские штаны напялила!» Девушка улыбнулась:

– Это не платье, это туника. Ее с брюками носят.

Пипа напрягла лоб, но не нашлась, что ответить. И даже не нашлась, что подумать. Наверное, десяти уколов мудрости не хватало ни на то, чтобы предположить возможность чтения мыслей, ни на то, чтобы застесняться, стушеваться и/или извиниться. И вообще, вот пусть ей сначала сделают одиннадцатый укол, а после этого она будет думать!

Пипе вдруг захотелось спросить, что нового она узнает после укола и какие игрушки ей подарят. Но она, конечно, сдержалась и не стала спрашивать. Если много спрашивать, можно угодить в Фтопку, это все знают!

– После укола ты ненадолго заснешь, как всегда, – проворковала девушка, протирая кожу Пипы, около самого локтя, ватой с уже знакомым с прошлых раз резким странным запахом.

– Ой! – все-таки не удержалась Пипа.

– Все-все! Уже все позади! – Девушка бросила пустой шприц в корзину для мусора, улыбнулась и вдруг стала очень серьезной. – Хотя я немного вру. На самом деле у тебя теперь все впереди. Все только начинается.

«Ага!» – мысленно согласилась с ней Пипа и даже открыла рот, чтобы произнести это вслух, но тут ее глаза закрылись, а затылок мягко ткнулся в подушку, встроенную в верхнюю

часть кресла.

Открыв глаза, Пипа Мумуш обнаружила себя не в кресле и не в кабинете уколов мудрости, а в какой-то совершенно другой комнате, которая чем-то напоминала ее родную. Она даже сразу догадалась чем: занавесками на окне. Только окно было больше, намного больше. Можно было бы сказать, раза в три больше, но с такой сложной математической операцией, как умножение, земляне-75 знакомятся только после последнего, двенадцатого укола.

Пипа взглянула на руку, пересчитала отметины и растянула рот в улыбке: одиннадцать! О-дин-на-дцать! Ее немного насторожил тот факт, что одиннадцатая метка оказалась не совсем похожа на остальные, но волноваться по этому поводу не стала. Надо было подготовиться к выходу. Сейчас в ее честь и в честь всех, кому еще сделали уколы, жители деревни будут исполнять Песню Радости. Это торжественный момент, это счастье! Во время последнего куплета все возьмутся за руки, встанут в хоровод вокруг тех, кто стал мудрее. А потом будет общая фотография на память. Умудренных посадят в первый ряд. Надо хорошо выглядеть! Причесаться или хотя бы пригладить волосы... На прошлой фотке волосы Пипы торчали в разные стороны. Нельзя, чтобы такое повторилось! Надо выйти в холл, там висит большое зеркало...

Пипа встала с кровати, на которую ее перенесли ангелы, пока она спала и набиралась ума-разума, подошла к двери и

решительно толкнула ее. И замерла на пороге, отказываясь верить в то, что увидела.

Дом, в котором ангелы делали уколы (он назывался Дом Мудрости), был прямой и одноэтажный, в их деревне все дома одноэтажные и прямоугольные (про этажи Пипа узнала после третьего укола, а про геометрические фигуры – после пятого). Но дверь, которую только что открыла Пипа Мумуш, вывела ее в широкий полукруглый полукоридор, каких не бывает в природе. С одной стороны коридора были разноцветные двери, а с другой – металлические перила. За перилами был... провал вниз. А внизу бы-ы-ыл... Ы-ы-ы!!! Нет, Пипа не могла заставить себя посмотреть в эту бездну! Она никогда не поднималась выше третьего этажа. Ее что, привезли в цирк? Но и в цирке не может быть та-а-ак высоко!

Пипа в ужасе попятилась. Замерла на пороге. Наверно, надо было войти внутрь, закрыть дверь и дожждаться медсестры-ангела, но экспериментировать теперь было страшно. «Может быть, я еще сплю? – подумала Пипа. – Тогда надо вернуться и лечь на кровать...» Она все-таки допятилась до центра комнаты. Нельзя гневить ангелов!

– Приветик!

В дверном проеме – и откуда только оно взялось? – стояло нечто несусветное, не парень, не девушка, в невероятно зеленых шортиках (кажется, они светились) и с такими же ослепительно-зелеными волосами, торчащими палками в разные стороны (дреды на Земле-75 никто не делал, Пипа

Мумуш видела их впервые, как и полукруглые коридоры с безднами по ту сторону).

– Приветик, говорю! – Существо выглядело достаточно добродушно. – Меня к тебе гидом приставили, недельку смогу себе накинуть. А то буксую на четырнадцать.

Пипа промолчала, поскольку абсолютно ничего не поняла. Кроме того, что перед ней точно не ангел. Ангелов таких не бывает! Ангелы так не смотрят! Так не разговаривают! Никогда! Существо, вероятно, догадалось о том, что слова «гид», «приставили» и «буксую» собеседнице не знакомы, поэтому пояснило:

– Ну, мне четырнадцать лет уже двадцать два года, поэтому я согласилась на такой геморрой, как гидство, чтобы хоть как-то сдвинуться с мертвой точки.

В ответ Пипа промолчала еще выразительнее и даже опять попятилась. Зеленое существо хлопнуло себя ладонью по зеленым палкам, торчащим из головы, и воскликнуло:

– Ну я ваще! Так мне ни дня не заработать. Все, давай дубль два!

Пипа затравленно окинула взглядом стены и окно со знакомой занавеской и побледнела. Бежать было некуда. Существо тем временем проворно выскочило в опасный коридор с гигантским обрывом за хлипкими перилами, а спустя секунду осторожно высунулось в дверной проем и вежливо спросило:

– Можно войти?

Пипа молчала. Существо тоже. «Может быть, это клоун такой! – догадалась вдруг Пипа. – Может быть, один из подарков после одиннадцатого укола – бесплатный билет в цирк. Я в цирке. Тогда ладно...» Пипе нравился цирк. Цирк – это лучше, чем театр! Пипа улыбнулась. Существо облегченно выдохнуло:

– Улыбается – это хорошо! Это правильно, что ты улыбаешься! А то если ты начнешь орать или башкой об стенку биться, у меня день слетит.

Пипа улыбнулась шире. Клоун был забавным, хоть и не очень похожим на обычных клоунов. И ушей у него почему-то не было. Всем известно, что у клоунов должны быть большие красные уши! Клоун без ушей – ха- ха, ну и умора! Пипа рассмеялась:

– Ха-ха-ой-ха-ха! Ты уши потеря-ал!

Клоун в недоумении потрогал свою голову под диким париком:

– Шутница, итить... На месте мои уши!

Пипа продолжала хохотать, как ненормальная.

Диди. Почти все девочки Земли-75 ржут, как неполноценные, закинув башку назад и широко раскрыв рот. Собственно, они, с точки зрения, например, землян-12, и есть неполноценные, поскольку средний уровень их интеллекта не превышает 50 баллов... Мы, земляне-12, в свою очередь кажемся довольно отсталыми землянам-28, у которых план-

ка в 300 баллов – минимум, если меньше, это караул и лечить надо. И так далее.

Мир устроен сложно, странно и несправедливо. Да помогут нам нетривиальные нули дзета-функции!

– Меня Пипа зовут! – представилась Пипа Мумуш, как следует отсмеявшись. – У меня одиннадцать уколов мудрости, вот, смотри!

Она продемонстрировала свою руку, но на клоуна ее шрамики не произвели должного впечатления:

– Да мне как-то по барабану... Тут всем по барабану.

– О, а тут барабаны есть? – обрадовалась Пипа. – Цирк с барабанами! Я люблю, когда с барабанами. И когда собачки по кругу бегают, тоже люблю. А скоро представление начнется? Там будут все, кому одиннадцать уколов сделали? И у каждого свой клоун, да? Это здорово!..Все-таки ты очень смешной клоун! Клоун без красных ушей! Ха-ха-ха, ой не могу!!! Клоун, клоун! Как тебя зовут?

Зеленоволосое существо выразительно покрутило пальцем у виска, потом хмыкнуло, вздохнуло, оглядело вновь прибывшую и, игнорируя многочисленные вопросы, произнесло:

– Цирк ей с барабанами, итить... Меня Жиза зовут. Ударение на и. Я не клоун, я девочка. Ну, то есть уже девушка, можно сказать. Мне четырнадцать лет и сто тридцать два дня.

Пипа напрягла мозг: нет, нового знания на предмет подсчета дней жизни после одиннадцатого укола мудрости в ее голове не появилось. Она не могла сказать, сколько ей дней. Да и какая разница! И вообще, наверное, пора идти смотреть представление. А песню, Песню Радости, ее же когда? Она где-то тут, тут, а остальные где? Тоже тут? Или они где-то не тут и без нее будут петь? А как тогда общая фотография? Вопросов у Пипы Мумуш было так много, что неясно, с какого начать. Песню без нее исполнять не могут, ведь тогда не будет вокруг кого водить хоровод... «А! Ангелы, наверное, всю деревню сюда привезли цирк смотреть!» – догадалась Пипа. Иногда они делают подарки для всей деревни.

Папа Пипы рассказывал, что его папа рассказывал, что, когда его папин папа был маленький, ангелы перенесли соседнюю деревню на другую сторону реки. Вот прямо так: хлоп! – и перенесли. Все жители вечером заснули в своих домах на одной стороне, а утром проснулись – на другой! С домами вместе! А огороды на той первой стороне остались. Пипа в эту историю не очень верила. Зачем огороды оставлять? Папиного папы папин папа точно врал!

– Эй, ты чего молчишь? – заволновалась зеленая Жиза. – Плакать, я надеюсь, не собираешься? Ты это... не плачь, смотри. А то у меня день слетит.

Но Пипа не собиралась плакать. Она задумчиво и с упованием покусывала большой палец и смотрела сквозь Жизины сияющие шорты. Большой палец не отличался особой чи-

стойкой, но так было всегда. А вот мысли у Пипы, в противовес пальцу, стали какими-то новыми, не такими, как раньше. Странными и непростыми они стали. Неуверенными какими-то. Они отличались от прежних, как твердый пол от зыбкой морской глади. Вроде и штиль, и ровненько все, а попробуй-ка наступи – провалишься!

– Эй, ты чего?

– Папиного папы папин папа не врал... Всю деревню могли... – неуверенно произнесла Пипа, тряхнула головой и решительно заявила: – Ну что, пошли ваш цирк смотреть?

Жиза радостно закивала:

– Пошли, пошли! Это хорошо, что ты такая позитивная и башкой об стену не бьешься. А то почти все бьются. Ну, не важно. Главное, у меня день зачтется. Ура-а!

Она выбежала в коридор с бездной, закружилась от счастья – зеленые палки разлетелись над головой и упали. «Хороший клоун, оригинальный!» – подумала Пипа. Понятие «оригинальный» появилось у нее после десятого укола, примерно год назад.

– Тебе у нас понравится, – радостно проворковала Жиза. – Тут у нас нормально. Новичков почему-то особенно радует, что можно пончики есть бесплатно и сколько влезет. Кстати, хочешь пончиков?

– Бесплатно? – уточнила Пипа.

– Ну да! Говорю же: у нас тут все бесплатно. Все что можно – то бесплатно.

– С кремом пончики? – опять уточнила Пипа и произвольно облизнулась, – оказывается она уже успела проголодаться, видимо, после одиннадцатого укула спят дольше, чем после десятого.

– С кремом, с кремом. С тремя видами кремов.

– Ха-ха! Глупость какая! Три вида кремов! Ха-ха!

Потешаясь над шуткой зеленой клоунессы без красных ушей, Пипа все-таки вышла в страшный коридор. В сторону бездны она на всякий случай не смотрела.

– Не веришь, что ли? – обиделась Жиза.

– Не-а! Но шутка хорошая!

– Да чтоб мне еще сто лет четырнадцать было, если вру!

Пошли на двадцать третий, сама убедишься!

Жиза бесцеремонно схватила Пипу за рукав и потащила к лифтам. Хотя с двадцать четвертого этажа на двадцать третий можно было бы и по лестнице спуститься. Лифты не успели произвести на Пипу Мумуш должного впечатления, поскольку она продолжала истерично смеяться над шуткой о трех кремах.

– У нас дома тоже крем трех видов! – ржала она. – Один свежий, а второй неделю на окне стоит, чтобы все животами заболели и на театр денег не тратили!

– А третий вид какой?

Но про третий Пипа ответить не успела: вид огромной столовой привел ее в полушоковое состояние. Потому что бездна за перилами – ну подумаешь, бездна, цирк могли и

на горе построить. А вот такую огромную комнату чтобы сделать – конца ей не видно – это как, это зачем?

– Чччттто это?!

– Едальня для новичков! – гордо пояснила Жиза. – Холера как круто, да?

Едальня для новичков была высотой метров пять и размером с пару футбольных полей. Между поддерживающих колонн (неопределенного грязно-оранжевого цвета, с разводами) хаотично располагались столы на четыре-шесть человек. Но человек, собственно, был только один. Это был очень, очень, очень толстый мальчик лет десяти. Он сидел спиной ко входу, а перед ним на двух немаленьких тарелках виселись две немаленькие горки пончиков. Третья пустая тарелка стояла поодаль.

Пипа не стала терять времени, плюхнулась за ближайший стол и принялась со всей дури колошматить ладонями по столешнице, призывая хозяина или его слугу. «Надо успеть быстро поесть, чтобы на представление успеть! – думала Пипа. – И потом на Песню Радости не опоздать. Наверное, все остальные уже поели бесплатных пончиков и пошли лучшие места занимать, потому тут никого и не осталось...»

– Эй, ты что творишь? – вылупила глаза Жиза. – Чего стол ломаешь?!

Очень-очень-очень толстый мальчик перестал набивать брюхо, удивленно обернулся.

– Хозяина зову.

– Какого еще, итить, хозя... А-а-а! Я и забыла сказать! Извини! Тут у нас пончики самим надо брать, вон там!

Пипа вылезла из-за стола и пошла вслед за Жизой к правой стене едальни, вдоль которой стояло такое что-то длинное и непонятное, не стол, а как бы полки, только металлические (какому уроду могло прийти в голову сделать полки из железок?!). На полках были такие штуки, как маленькие круглые цирки или как высокие кастрюльки с окошками, как у домиков для кукол, – ну, примерно такие. Пипа не нашла, с чем можно сравнить. Под каждым домиком лежала тарелочка. На каждой тарелочке лежало что-то. На некоторых – пончик, на некоторых – каша, на некоторых – что-то непонятное. Были и фрукты.

– Эх, опоздали! – Пипа с сожалением ткнула пальцем яблоко. – Всего осталось раз, два, три... Четыре бесплатных пончика! Давай делиться. Мне три, а тебе один, но зато яблоко тоже бери, и вон те листики тоже. И кашу, если хочешь.

«Совсем она дура душой! – подумала Жиза. – Теперь я понимаю, почему за гидство аж несколько дней дают. Гадство это гидство!» Она без лишних слов взяла одну из больших тарелок, которые стопкой-башенкой высились между едораздатчиками, подставила ее под раструб правого, желтого «домика» и нажала на «окошко». И еще нажала. И еще несколько раз.

– На, держи, это тебе пончики с заварным кремом!

– С каким?!

– Ну с обычным, как вы его там называете... Из яиц и молока, в общем.

Пипа взяла тарелку с пятью небольшими, но горячими и аккуратными пончиками:

– А крем где?

– Внутри.

– Ха-ха-ха! Внутри-и-и, ой не могу-у!

– Откуси!

Пипа откусила. Невероятно! Крем был внутри. Реально – внутри! Пипа уставилась на пончик-с-кремом- внутри, как на чудо света, лизнула, поковыряла пальцем, откусила второй. Жиза тем временем поколдовала возле коричневого едораздатчика и теперь держала в руках еще одну полную тарелку.

– Это с шоколадным кремом, – объявила она. – Держи, дегустируй. А лучше пойдем за столик сядем. Не в руках же держать. А я сейчас еще с малиновым принесу. Малиновый крем, на мой взгляд, самое оно. Конечно, вишневый лучше, а с манго так вообще шик. Но для них тебе надо дни открыть. И первые заработанные дни на пончики лучше не тратить, мой тебе совет. В общем, давай садись уже куда-нибудь. Я тебе сейчас все объясню, только малиновых наберу еще. И попить налью. Ты сок будешь?

Пипа усиленно закивала и замычала. Разговаривать с набитым ртом было невозможно. Какие же вкуснящие пончики в этом цирке! Крем внутри! Трех видов! Бесплатно! Ка-

кой же сегодня замечательный день, чудо за чудом. Здорово, здорово, что ангелы сделали ей одиннадцатый укол мудрости!

Подошла Жиза с двумя соками.

– Держи. Тебе яблочный, а мне апельсиновый.

– Бесплатно? – на всякий случай уточнила Пипа, пододвигая к себе сок.

– Да, да, тут все бесплатно, говорю же.

Пипа посмотрела на свой стакан, потом на стакан Жизы.

– А апельсиновый тоже бесплатный? Если тут все- все бесплатно, тогда я тоже апельсиновый хочу.

– Тебе пока нельзя, – с сожалением покачала головой Жиза. – Тебе на него еще заработать нужно. Ты же первый день в Фтопке.

Пипа поперхнулась пончиком (малиновым). Подумала, что ослышалась.

– Это.... Это ннне... Не цирк?!

– Ой, да я тебе уже сто раз сказала, что это не цирк! Ты в Фтопке!

Пипа затравленно огляделась. Она открыла рот, чтобы спросить, но мысли у нее после одиннадцатого укола были как зыбкая поверхность озера, а теперь по этой поверхности пошли волны, волны...

– Ты, главное, плакать не вздумай, – заволновалась Жиза. – А то у меня день слетит. А если башкой биться начнешь, то оба-два слетят. А мне они знаешь как нужны!

Пока словоохотливая «гидка» рассказывала о том, почему позарез нужно, чтобы ей зачли эти дни, Пипа продолжала оглядываться и напряженно думать. Ее мозг отказывался принимать действительность.

– В Фтопке палками по голове бьют! – пересохшими губами произнесла она. – Это все знают. И на привязи держат. Много, много лет. Бьют и держат. А пончиками не кормят. Так что ты врешь. Это цирк!

– Палками по голове? – удивилась Жиза. – Ерунда какая! Зачем по голове? Зачем палками? Во-первых, не по голове, а в любое место. Во-вторых, не палками, а слабым током. В-третьих, бьют, только когда делаешь что-то, что тебе пока нельзя. Первый раз слабо-слабо бьют. Как комар укусил. Ну, если опять нарушаешь, тогда сильнее. А если...

Пипа слушала зеленую Жизу и бледнела, бледнела. И не верила, не верила. Ни в одно слово не верила.

– Ты врешь!

– Ха! Не веришь, значит! Попробуй моего сока отхлебнуть! Давай!

Трясущимися руками Пипа Мумуш притянула к себе стакан с соком, пока везла его по столешнице, треть расплескала. Верить или не верить этой зеленой? Врет она или нет? Пипа решила не верить. Сейчас она докажет, что... Маленький глоток и...

– Ой!

– Ага! – обрадовалась Жиза. – Получила? Я тебя преду-

преждала! Мое дело – все тебе показать и честно предупредить. И заработать дни. Потому что...

Второе пространное объяснение Жизы того, почему ей позарез нужны дни, Пипа пропустила мимо ушей так же, как и первое.

– Нет, нет, нет... Не могли меня в Фтопку? За что меня в Фтопку?! Нет...

Она судорожно сжала в ладонях стакан. Еще маленький глоточек...

– Ай, мам-ма-а!

– Ну что, теперь-то убедились? В третий раз пробовать не сове...

Опоздала Жиза с советом: Пипа Мумуш сделала решительный третий глоток и – Бум-бумца-БУМ! – вместе со стулом отлетела метра на два назад, снесла некоторое количество мебели, грохнулась поверх обломков (один из снесенных стульев решил сломаться) на тощую свою спину, ногами вверх... Классика, как в кино.

Жиза подскочила, бросилась на помощь, поднимать и отряхивать:

– Вот холера, итить... Ну ты даешь! С ума сошла? Я ж тебе говорю, нельзя тебе апельсиновый. Вот приспичило... Ладно, главное – реветь не начинай. Стоп, стоп, только не это-о, нет! Эх, ну вот, день не засчитан...

По лицу Пипы сначала начали катиться слезы, крупные, много. А потом уже оно, лицо, наморщило лоб, покраснело,

открыло рот.

Истерика у Пипы получилась зачетная. Даже жалко, что за истерики ангелы дни не начисляли, а то в один прием Пипе могло бы исполниться одиннадцать, так ей Жиза прямо и заявила – спустя часа три, когда ее голос стало слышно сквозь вопли новенькой.

– Ка-ка-кие од-од-од-динадцать? – Это были первые слова Пипы после того, как слезам, соплям и воплям наступил конец и в запасе у организма землянки-4 остались одни всхлипы. – Мне по-по-поч... почти пятна-а-дца-а-ть!

– Говно-вопрос, холера-заява! – возразила Жиза. – Тебе десять лет и ноль дней. Всем, кто сюда попадает, становится опять ровно десять и ни минутой больше. Ангелы считают, что активные тренировки мозга лучше всего начинать в десять. Тебе десять!

Пипа хотела возразить, сказать, что такое невозможно. Но возражать, пребывая в шоковом состоянии, даже землянкам-28 трудно, что уж говорить о землянке-75!

Жиза помогла Пипе Мумуш подняться с пола и вернуться обратно в свою комнату. Шли они по лестнице, и очень долго, хотя подняться предстояло лишь на один этаж. По дороге Жиза старалась рассказывать о Фтопке только хорошее. С ее слов получалось, что всем, кто сюда угодил, сказочно, невероятно повезло. «Ладно, ничего страшного, что первый дополнительный день слетел, – думала она. – Второй остался. Ну и еще один, если я ее завтра не брошу одну!»

Диди. За успешное выполнение такого сложного и противного задания, как «гидство», можно было заработать максимум три дня жизни. Один день – если не бросил своего подопечного новичка и неделю с утра до вечера его пас, объяснял местные правила и так далее. Второй и третьи дни были бонусные. Удалось развлечь новичка так, чтобы он не ревел ревмя по поводу попадания в Фтопку – получиай второй день. Исхитрился правдами-неправдами уберечь его от разбивания головы о стены или прочего членовредительства, – пожалте вам и третий день.

Каждый новый зачтенный день не только приближал жителя Фтопки к заветному Дню Совершеннолетия (когда можно будет покинуть Фтопку и жить свободно за ее пределами), но и заметно способствовал улучшению жизни внутри Фтопки. Например, позволял пить апельсиновый сок. Или носить дреды.

Наконец они добрались до комнаты, в которой Пипе предстояло прожить как минимум следующие двадцать – тридцать лет своей жизни. Формально все фтопники должны были прожить во фтопочных домах всего шесть лет, с десяти до шестнадцати. Но за всю историю существования этого уникального заведения только одному ее обитателю удалось уложиться в девятнадцать лет и семь месяцев. Все остальные годами и десятилетиями пробуксовывали, оставаясь хрони-

ческими подростками и мечтая выбраться из этих бесконечных адских кругов.

– Все, мы на месте! – объявила Жиза. – Это твоя комната. Запомнить проще простого, по цвету двери: зеленый верх, желтый низ. Сейчас мы на нее табличку с твоим именем прищандорим, тогда вообще не запутаешься. Тебя как зовут?

Пипа, которая все еще пребывала в полушоковом состоянии, вяло прошептала:

– Пипа...

– Ой, да я же не совсем дура, запомнила, что Пипа! Я спрашиваю, какое у тебя полное имя.

Пипа неопределенно повела плечами. Как может имя быть полным или худым, оно же не человек!

– Ну полное, полное имя! Вот меня зовут Жиза. А полное имя – Жизель. А ты – Пипа, а полное – Пеппилотта? Пипетка?

Пипа опять повела плечами.

– Ладно, будешь – Пипетка! – решила Жиза. – А то Пеппилотта писать долго, а мне тебе еще правила надо объяснить.

Девочки вошли в комнату, и Жиза-Жизель немедленно принялась рисовать табличку, достав карандаши и бумагу из верхнего ящика стола. А параллельно объясняла правила:

– Значит, так. Первое. Ночью надо спать. Право выхода по ночам можно купить только после двенадцати лет. Так что как только на дверях зеленый огонек поменялся на красный

– все, сиди тут и не рыпайся никуда. Ясно?

Пипа посмотрела на огонек над своей дверью (горел зеленый светодиод) и вздохнула. И всхлипнула. Жиза расценила вздох и всхлип, как «ясно», и продолжила:

– Второе. Зеленые огоньки вообще – подсказка. Видишь зеленое – значит, оно тебе можно. Видишь красное – даже не суйся. Усекла?

Пипа опять всхлипнула, что, очевидно, свидетельствовало: «усекла».

– Правило третье. Пока тебе десять лет, тебе нельзя...

– Мне не десять! – тихо, но отчаянно перебила ее Пипа. – Я уже девушка! Старше тебя!

– Ой! – скривилась Жиза. – Девушка она! Старше меня она! Шмакодявка ты мелкая, вот ты кто! Тебе до меня еще сто лет расти и потеть! Ты давно себя в зеркале видела?

Пипа попыталась вспомнить, когда она видела себя в зеркале в последний раз. Сегодня утром видела, когда собиралась в Дом Мудрости. Впрочем, у нее возникло ощущение, что это было не утром, а неизвестно когда.

– Утром – это в прошлой жизни! Забудь! – отрезала Жиза. – А зеркало вон, в ванной. Можешь полюбоваться! И учти, мне по барабану, будешь ты опять реветь или нет. Хоть обрыдайся. День у меня все равно уже слетел!

И она вернулась к дорисовыванию таблички, оставалась последняя буква. Рисование табличек не входит в обязанности гида, просто Жизель давно не рисовала, и ей захотелось.

На негнущихся и одновременно подгибающихся при каждом шаге ногах Пипа прошла в ванную комнату. И обнаружила, что Жизель не наврала. Из зеркала на нее смотрела малолетка. Пипа хотела опять заплакать, но у нее не получилось. Тогда она села на пол и принялась в отчаянии биться головой о бортик ванны.

При первых же звуках ударов, заподозрив худшее, Жиза бросила карандаши и рванула в ванную. Одного взгляда на Пипу ей хватило, чтобы понять: второй бонусный день тоже слетел. Ну что ты будешь делать, когда тут такая засада, итить?!

Глава 4

У-У, или Маленькие Каникулы

Ризенгри Шортэндлонг пришел в себя первым. Он открыл глаза, немедленно вскочил на ноги и огляделся, уже заранее готовый к бою. На всякий случай. Но драться было не с кем. Просторная светлая комната, ни души вокруг, отдаленный уличный шум... Риз внимательно осмотрел себя. Он был в обычном своем облиции, в привычном теле. Большое зеркало в полстены подсказало, что и с лицом все в полном порядке. Ризи попробовал удлинить руку и просунуть ее сквозь другую руку, – получилось. Попробовал взлететь, – никаких проблем. Значит, и мутантские способности остались при

нем. Ризенгри с облегчением вздохнул. Теперь надо было понять, где он находится. Насколько Ризи помнил, перед тем, как он потерял сознание, Дима обещал отправить его и Дюшку на некую очередную планету, на Землю-9. Очевидно, это была Земля-9. Дюшка на ней должен был остаться Дюшкой, а он... он... Как же Дима сказал? Ах да, он сказал: «А на себя ты со стороны посмотреть не хочешь? Дюшка останется по-прежнему Дюшкой. А ты... Ты сможешь посмотреть на себя со стороны. Только не сразу, а потом, попозже. Когда мы в следующий раз встретимся!» Что конкретно означало это «позже», Ризу было не ясно. Когда «позже»: через день, через месяц, через жизнь?

Ризи временно выкинул ангела Диму из головы и подошел к окну. Окно было приоткрыто. Внизу, примерно пять этажами ниже, шумела площадь. Хотя она была совсем небольшая, Риз сразу понял, что жить на этой новой планете ему будет гораздо комфортнее, чем на отсталой Земле-4. Прикольный фонтан, подковой обрамляющий скверик в центре площади. Красивые дома непривычной архитектуры. Людей с высоты толком было не разглядеть, по макушкам мало что понятно! А вот машины Ризу сразу понравились. Правда, за несколько минут их пронеслось всего две, но зато какие! Быстрые, элегантные, почти бесшумные. «В общем, не пропадем!» – удовлетворенно кивнул головой Ризенгри и принялся рассматривать комнату.

Комната напоминала довольно богатый гостиничный но-

мер. На овальном столе в углу Риз нашел прикрытый большой прозрачной полусферой завтрак. Еды было немного, но после Земли-4 с ее дурацкими таблетками и огурцами, перед которыми приходилось сто раз извиняться, хороший бутерброд с чем-то похожим на рыбу – это было чертовски приятно. Ризи по очереди испробовал напитки, сглотнул бутерброд и, прихватив с собой полосатый рогалик, открыл шкаф-купе. В шкафу лежали чистые полотенца и несколько толстых каталогов. Риз пролистал каталоги и в очередной раз приятно удивился – они были написаны на его родном языке.

Диди. На самом деле это был вовсе не язык, на котором Ризи говорил с детства. Новый язык, со всеми идиомами и новыми терминами был как бы подгружен в мозг Ризенгри. Что-то вроде небольшого обновления мозговой программы.

Одежда, которую можно было заказать по этим каталогам, была разнообразная и яркая, но не такая дикая и экстравагантная, как на прошлой Земле. Никаких узелков, дырявых носков и шляп с желобками. Около каждой модели была указана цена. Денежная система была Ризу незнакома, и таких денег Риз никогда не видел, но что стоит супермутанту добыть то, что ему необходимо! Ризи бросил один из каталогов на кровать и решительно вышел из номера. Он не собирался откладывать покупку одежды надолго. Эмм... ну, и все остальное тоже!

Ризенгри Шортэндлонг попал в круглый холл с лифтами и лестницей. В холл также выходили еще три двери. Не успел он решить, спуститься ли ему вниз или попытаться раздобыть денег в одном из соседних номеров, как одна из дверей внезапно открылась и из нее вышла...

– Ой, Ризи! Как хорошо, что я тебя сразу встретила!

– Элина? – Риз был необыкновенно удивлен. – А ты тут как очутилась?

Но Эля ничего объяснить не могла. Она мгновенно бросилась другу на шею и зарыдала от счастья.

– Ну, Нарциссова, ты даешь! – только и сказал Ризи, как только в Элиных всхлипываниях обнаружился промежуток. – Было б из-за чего слезы лить. Все хорошо.

Эля вдруг судорожно сжала его лицо ладонями и развернула к себе, пристально вглядываясь в любимые черты. Она переводила взгляд с одного глаза Риза на другой, словно пыталась прочесть в их глубине какие-то вековые тайны. «Со всем ненормальная!» – подумал Ризенгри.

– Скажи мне, только честно! – облизывая пересохшие от волнения губы, спросила Элина. – Ты меня сразу узнал? Я – это я?

– Ты – это ты, – подтвердил Риз. – Я тебя сразу узнал. Зуб даю. А в чем, собственно, тараканы? Слушай, я хоть и мутант, но ты б меня отпустила, а?

Эля опустила руки и отошла на шаг. Ризи картинно покрутил головой, словно желая показать, что хватка Эли да-

ром для него не прошла. Но Элина в задумчивости грызла ноготь и смотрела теперь в сторону. Телодвижений супермутанта она просто не заметила.

– Послушай, может, ты прояснишь ситуацию, – осторожно начал Риз. – Я понимаю, что перемещение на новую планету – это не поход в соседнюю комнату, но не стоит так уж бурно реагировать. Ты же собиралась со мной бежать в столицу, да? А это место реально круче. И потом, знаешь, когда в дело вмешиваются ангелы...

– Хорошо, я объясню, – перебила его Элина. – Слушай. Но только вначале скажи, ты реально уверен, что это – я?

Ризенгри тут же дал Эле двестипроцентную гарантию. Он сказал, что, как супермутант, он видит Нарциссову просто насквозь.

– Вот ребра, вот желудок. Пустой! Кишки. Тебе подробно рассказывать?

– Фи, ну тебя!

Ризи благоразумно не стал развивать тему девичьих внутренних и еще раз заверил: она – это она.

– А что, ты себя как-то не так чувствуешь?

Эля чувствовала себя прекрасно. Но ведь Дима пообещал ей, что она будет как бы не она.

– Ты помнишь, что именно он тебе пообещал? – спросил Ризенгри.

Эля кивнула. Она отлично все помнила. Еще бы, ведь разговор с Димой произошел почти вот только что. Только что,

еще полчаса назад, ну, может, час, они с Димой беседовали на ее родной Земле-4, потом Дима поместил ее в какую-то штуку, капсулу переноса, – раз! – и она очнулась тут, в гостиничном номере.

– Расскажи подробнее! – попросил Риз. – Чего тебе Дима наговорил?

– Ну, я очнулась, смотрю, а тебя нет. Вместо тебя стоит рядом парень. Красивый, только кожа черная, очень непривычно. Мы долго говорили. Он мне рассказывал о том, что есть мир ангелов, что реально есть много разных миров и всякое такое. Например, рассказал мне о том, что у него есть друг Рон, который очень за тебя переживает, типа того. Потом он сказал, что тебя с Дюшкой собирается перенести в один из других миров. Я сказала, что тоже хочу с вами в другой мир. А Дима сказал, что вообще-то это нельзя, потому что если я попаду в другой мир, то я – это буду уже не я. Или не совсем я. Но я очень хотела. Тогда он сказал: хорошо, я тебя отправлю вместе с Ризом и Дюшкой. Но учти, что для тебя все может закончиться очень плачевно. И ты будешь уже не ты. А потом...

Эля запнулась. Она хотела было начать рассказывать о том, что ей показалось, что она видит странные нити на Ризе, которые описывал ее папа в клетчатой тетрадке. И что она вроде как зацепила одну и передала Дюшке потому, что он светился. И что.

– Эй, не тормози! Что тебе Дима дальше-то сказал?

Эля тряхнула головой. Нет, нельзя Ризу рассказывать о том, что у нее был свих по фазе, нельзя говорить о нитках. Это все было – глупости! Это ей от стресса тогда почудилось.

– Потом... Да потом ничего больше не было, потом я вроде как заснула. Открываю глаза – какая-то незнакомая комната шикарная. Все так стильно. А я это или уже не я, неизвестно. Выхожу – а тут ты. Кстати, а тебе Дима ничего не говорил, почему для меня может все плачевно окончиться?

– По-моему, ты должна опасаться местного солнца, – почесав в затылке, предположил Риз. – Хотя не уверен.

– Это Дима так сказал? – попыталась уточнить Эля. – Мне он про солнце ничего не говорил.

– Да мне, в общем-то, тоже, – признался Риз. – Просто когда я его спросил насчет землян-4, он сначала сравнил вас со скульптурами изо льда. Сказал, что они могут быть очень хороши, но их нельзя перевезти на экватор и с приходом лета они тают. Но это он как пример мог привести. И солнце тут совсем ни при чем.

Эля на некоторое время задумалась.

– А про меня конкретно он ничего не говорил?

– Тебя он сравнил с фигуркой из пластилина.

– Из чего?

– Из пластилина. Ну, это как глина. Только глина твердеет, а пластилин нет.

Эля вздохнула и попыталась осмыслить полученную информацию. Риз молчал. Мимо них бесшумно проскользнул

вверх прозрачный лифт. Эля вскрикнула от неожиданности и отскочила, провожая лифт испуганным взглядом. Ризенгри объяснил девушке, что это за штуковина.

– На моей родной планете не такие были, но похожие. Хочешь покататься?

Риз думал, что Эля откажется. Она ведь только по ночам бывала храбрая, а сейчас был день. Но Эля неожиданно согласилась.

– Знаешь, – решительно сказала она, – раз уж я сюда попала, да еще и по своей воле... Значит, это теперь мой мир, так? И чем быстрее я к нему приспособлюсь, тем. Ну, тем будет лучше, ага? А от солнца можно под зонтиком прятаться.

Эля улыбнулась. Она была очень даже ничего, когда улыбалась. Риз согласно кивнул. Эля откинула рукой волосы со лба и улыбнулась еще шире. Рука у нее была тощая и некрасивая, волосы самые обычные, но глаза, улыбка.

– Ты красивая, – одобрительно сказал Риз. – И смелая.

– Ага, смелая и красивая, с красными от слез глазами и опухшим носом! – засмеялась Эля, но было видно, что комплимент Риза попал в яблочко. – Ну что, пошли кататься на лифте?

Они вызвали лифт.

– А Дюшка где, спит? – поинтересовалась Элина, пока они ждали лифт.

Ризу стыдно было признаться, что о Дюшке он как-то забыл. Он сказал, что не знает, где Дюшка. Элина нахмурилась.

– Я собирался заглянуть в соседние номера, – добавил Риз.

– Да, логично, – согласилась Эля. – Дюшка может быть рядом. Эта дверь – моя. А твоя где?

– Моя – эта, последняя, – показал Риз. – А вот кто живет в этих двух номерах, мы сейчас выясним.

Ризенгри проворно юркнул сквозь стену. В одном номере никто не жил, он был абсолютно пуст. А во втором невинным сном младенца дрых Ключкин. Ризи открыл дверь, впустил Элину и вернулся к Дюшке. Тот продолжал сладко посапывать.

– Эй, просыпайся, в школу опоздаем! – бесцеремонно потряс его за плечо Риз.

По правде сказать, Риз был все еще обижен на Ключку за то, что тот на Земле-4 не подсказал ему, в чье тело они его засунули. Но сейчас ворошить старое не хотелось. Ну его, это прошлое!

– В шко... Что? – Ключкин подпрыгнул на постели, протирая глаза. – В какую еще школу? Где я? Бес? Элина? А почему я не в ту.

«Почему я не в тумане?» – хотел спросить Ключкин, но осекся, решив на всякий случай не рассказывать Ризу и Эле о своих приключениях. Все-таки его жизнь в этом тумане, нити из рук, дзета-функция, все остальное было слишком странное.

– Не в «ту...»? Где?! Не в туалете? – Ризенгри расхохо-

тался, его обида на Дюшку, может, и не прошла полностью, но уменьшилась минимум наполовину. – Вот, Элька, теперь мы знаем, какие сны снятся обычным людям Земли-11!

«Странно, тут я не вижу никаких следов Лещи Мымбе, – озираясь и не реагируя на реплику Ризи, думал Дюшка. – Наверное, я потерял след, уснул, и мы попали... Но куда? К Диме?» Он посмотрел на свои руки. Ничего из них больше не тянулось, они не сияли и не светились. Может, Эля и Ризи уже в курсе всего? Может, наоборот, ему снился долгий сон? – Мы у Димы?

Да, эта комната вполне могла быть одной из комнат Димы. В прошлый раз, после того, как взорвалась родная Дюшкина планета, он тоже сразу попал к Диме и тоже не сразу понял, где находится. Комната не похожа на те, которые были у Димы. Но ведь у ангелов может быть не по одному дому. Ключкин сидел на кровати, продолжая озираясь по сторонам. «Или я прошел по следу, развернул пространство и...» – Он никак не мог понять, что произошло.

– Ау, просыпайся уже! Добро пожаловать на Землю-9! – сказал Ризенгри.

– На какую еще Землю-9? – удивился Дюшка, упираясь взглядом в Элину.

– Ну, планета такая, девятая, – как ни в чем не бывало пожал плечиками Элина. – Мы пока и сами про нее ничего не знаем. Вот как раз пойдем вместе ее исследовать. Только сначала покатаемся на этом... на лифте, ладно?

– Разве это. Земля-9?

Дюшка спустил ноги с кровати. Что-то было не так. Точнее, почти все было не так.

Итак. Два варианта. Или ему удалось дойти по следу Ле и протащить с собой друзей, и теперь они все там, куда попала Лещца, и она их сейчас встретит. Или второй вариант: все, что было в синем тумане, ему привиделось, никаких долгих месяцев не было, это был сон, галлюцинация. А Дима Чахлык перенес их в капсулах. Но куда перенес?

Диди. В том, что Дюшка Ключкин растерялся и посчитал сном значительный кусок своей жизни, нет ничего удивительного. Время и пространство инфиллоперов в недостроенных сокращалках текут непривычным для обычных людей образом. Слишком непривычным. А Дюшка был новичок.

Дюшка знал многое из того, чего не знали Ризи с Элей, и это касалось не только жизни в сокращалке. Например, у ангелов, в энциклопедии миров он видел снимки Земли-9. Ее населяли дикие племена, которые вели преимущественно кочевой образ жизни. Такой комнаты на Земле-9 просто не могло быть. Разве что ангелы специально построили для своих нужд отель в каком-нибудь безлюдном месте этой планеты. Нет, это не Земля-9. И дзета-функция, все его знания о пространствах, математика... Таких снов не бывает. Это был

не сон. Он перестал быть обычным человеком, да, точно. Но почему теперь тогда он – опять человек, никаких нитей? Все было слишком сложно.

– Ты что, теперь сидя спишь, что ли?

Дюшка встрепенулся, вздохнул и встал.

– У меня голова чего-то болит, – сказал он. – В который раз уже в этой капсуле переносусь, каждый раз – одно и то же. Тут аптечки нет?

На самом деле никакая голова у Дюшки не болела. Но раз уж сказал, надо играть дальше.

Дюшка нажал на ручку и выдвинул ящик тумбочки. Лекарств там не оказалось, зато лежала толстая пачка местных денег.

– О, класс! – присвистнул Риз, увидев деньги. – Везет тебе!

– А у тебя что, таких бумажек в тумбочке не было? – спросила Эля. – У меня в тумбочке тоже такое лежит. Мне тоже везет?

Вместо ответа Риз выскочил проверять свою тумбочку. Оказывается, он в шкаф заглядывал, а в тумбочку нет. Эля повертела в руках пачку.

– Дюшка, это что за бумажки?

– Это не бумажки, это деньги, – послушно принялся объяснять Дюшка. – Это как баллы, только бумажками. На Земле-4 ты можешь заработать десять баллов, а потом взять на них в магазине юбку, например. А тут за юбку нужно будет

отдать бумажку, на которой написано десять.

– По-моему, баллы удобнее, – пожалала плечами Эля. – Эти бумажки ведь с собой таскать надо, я правильно понимаю?

– Правильно, – рассеянно согласился Дюшка. – Карточка намного удобнее, чем наличные...

Он продолжал думать о своем, о том, где они очутились и, главное, почему они тут очутились?

– Смотрите, у меня в тумбочке тоже оказалась куча денег! – Риз ворвался в комнату возбужденным вихрем и сбил Дюшку с мысли. – Ура! Живем! Ну, пошли скорее!

Диди. Пара слов о денежной системе уровня Пи и об экономике в целом. Деньги на всех планетах, входящих в брану, одинаковые. Карточек, как таковых, нет (они остались в некоторых регионах, но это, скорее, дань местечковым традициям). Бумажные деньги встречаются еще реже, например в Мебиклейне они большая редкость. В Мебиклейне и во многих других местах уровня Пи достаточно на выходе из магазина, кафе, стеоса или другого заведения найти идентификатор – специальную полосатую пластину с розовыми и синими полосками, и приложить к ней палец или любую часть тела. Идентификатор считывает ваш код (генетический) и произведет оплату автоматически. Это касается тех мутангелов, которые живут на Пи много лет. Но можно и не платить, не прикладывая ладонь к идентификатору. На Пи везде и все можно брать просто так, как бы

в долг. Этот долг может быть бесконечным. То есть никто не считает и нигде не записывает ничего вроде: «Иванов взял в магазине Петрова пять булок и шесть чемоданов, должен за них тыщу двадцать монет, если не вернет через год, то...». О долгах никто, кроме самих должников, не помнит. Но брать «в кредит» считается настолько некрасивым поступком, что так никто и никогда не поступает. Исключение составляют новички. Всем ясно, что первые сто-двести-триста лет тебе может быть просто неохота работать, к тому же нужно время, чтобы освоиться на новом месте.

Но на Пи есть окраины, куда попадают... так скажем, не совсем мутангелы. К таким местам относится городок со смешным названием У-У, в котором обнаружили себя Дюшка, Ризи и Эля.

Они вышли в холл. Эля сама вызвала лифт, поднеся ладонь к черной сенсорной пластинке так, словно сто раз уже это делала. «Пластилиновые люди быстро обучаются!» – вспомнил вдруг Дюшка когда-то оброненную Димой фразу. От этого воспоминания Дюшке вдруг стало как-то не по себе.

– Погодите! – сказал вдруг Риз. – У меня возникла идея. Хочу проверить четвертую тумбочку.

Шортэндлонг юркнул в одну из дверей, а Эля вспыхнула от возмущения:

– Четвертую тумбочку? По-моему, это воровство! Хоть там никто и не живет.

– А откуда вы знаете, что там никто не живет? – спросил Дюшка.

– А мы там были, когда тебя искали. Вот это номер Ризи, это – мой номер, это твой, а тут – никого.

Ризенгри вынырнул из стенки, словно кот из сметанного озера, – довольный аж жуть. В руках у него была еще одна пачка денег. Выражения лиц Дюшки и Эли Ризу не понравились. Эля промолчала. А Дюшка не выдержал:

– Бес, ты бы их вернул, а? У нас и так бабла достаточно.

Эля молча и упорно разглядывала пол.

– Если честно, то я бы и из своей тумбочки не брал. Мало ли. Мы же тут ничего не знаем, местные порядки в любом случае вряд ли предполагают...

Ризи презрительно хмыкнул.

– Давай вернем, – попросил Дюшка.

– Возвращай. – Ризенгри протянул Дюшке голубовато-желтую пачку.

Тон у него был очень спокойный, немного презрительный, но спокойный. Дюшка взял пачку и подошел к двери. Дверь не открывалась.

– Вот так надо! – Эля провела ладонью вдоль черной полосы у дверного косяка.

«Пластилинового человека можно быстро перелепить под любой мир!» – невольно подумалось Ключкину. Дверь от-

крылась.

Дюшка вошел. Комната была немного меньше, чем Дюшкина, зато угловая, с двумя большими окнами. И мебель такая же, как в номере у Дюшки, отличался только цвет покрывала и подушек. Дюшка прошел к тумбочке, вернул деньги на место и собрался уже было выйти, но вдруг что-то его остановило. Он внимательно посмотрел на кровать.

На пестром, цветастом покрывале, в подушках, сидела тряпичная кукла. Это был негритенок. Дюшка замер. Он медленно протянул руку и осторожно поднял куклу. Негритенок безвольно висел в Дюшкиных руках и бестолково улыбался. Кукла была не новая. Левая рука ее была когда-то порвана, потом зашита грубой коричневой ниткой.

Дюшка вздрогнул. Потом стер со лба разом выступивший пот. Потом у него подкосились коленки, и он вынужден был опуститься на кровать. Потом у него начали предательски дрожать губы. Потом он заплакал. Потом сполз на пол. Потом вытер слезы и бросил куклу обратно в подушки. А потом он засмеялся.

Когда Ризи и Эля, не дождавшись Ключкина, вошли в номер, он хохотал во все горло, по-прежнему сидя на полу. Ржал, как ненормальный, просто катался от смеха.

– Дюш, ты чего? – с опаской спросила Эля.

Дюшка с трудом, сквозь смех, выдавил:

– Ничего, все нормально. Это у меня голова прошла, вот. «Я бы сказал, куда она у тебя прошла, но не буду!» – по-

думал Ризенгри. Дюшка поднялся с пола, окончательно перестав смеяться, и с явным облегчением выдохнул.

– Все! – торжественно провозгласил он. – Теперь у нас все будет хорошо. Нав-сег-да!

Эля и Риз растерянно переглянулись. Дюшка решительно открыл тумбочку и сунул в карман пачку купюр, которую только что сам же туда и положил.

– Эля, не переживай, мы можем брать эти деньги, – уверенно и радостно объявил Ключкин. – Считай, что все оплачено.

Эля поджала губы:

– Кем?

Ризи тоже не мог понять причину такой резкой перемены в своем друге.

– Мной, например! – не моргнув глазом, соврал Дюшка. – Не веришь? Просто я кое-что чувствую. Когда я жил у ангелов, я научился чувствовать некоторые вещи. И вот сейчас я точно чувствую: все будет тип-топ. Полный тип-топ. Ну, пошли знакомиться с городом или что там еще!

И, весело насвистывая, Дюшка вышел. Эля и Ризи вышли за ним.

Они покатались на лифте, спустились в вестибюль, взяли карточки отеля «Звезда Улиной». Узнали от портье, что они могут жить тут, в «Улиной», столько, сколько захотят. Что все вещи в номерах они могут использовать по своему усмотрению. И даже если что испортят – не беда. Единствен-

ное, о чем попросил портье, – сообщить, когда они решат переехать в какое-нибудь другое место.

А потом ребята гуляли по городу.

Город назывался смешно: У-У Кроме людей, в нем было много разных других существ. Например, часто встречались гномы. А на одном перекрестке им пересек дорогу добродушный жираф в сапожках и шарфике. Эля ходила по городу с открытым ртом и, на всякий случай, крепко держала Ризи за руку. Или Дюшку – когда Риз вырывался, чтобы что-то посмотреть. Друзья заглянули в огромный магазин, переоделись, переобулись, накупили всякой всячины. На технику и разные гаджеты денег из тумбочек не хватило, и решение этого вопроса они оставили на завтра. Потом зашли в ресторан, и Эля не сразу свыклась с мыслью, что только в их мире не принято было есть днем. Она старалась во всем брать пример с мальчишек, вела себя так, чтобы не казаться дикой провинциалкой. Когда подали горячее, Эля сказала:

– Знаете, мальчишки, а я только сейчас поняла, что имел в виду ваш ангел!

– В смысле? – не понял Клюшкин.

– Ну, в смысле, что он сказал, что я буду не я.

– Опять ты за свое! – скривился Риз.

– Да нет! Просто я теперь только поняла, что хотя сейчас день, я помню все, что со мной было раньше. И днем и ночью. Ну, в том, что у нас называлось ночной сон. Так что я – это вроде не я! Но знаете, мне это ужасно нравится! Я

помню, как мы с тобой летали там, у меня дома. Это было здорово! Я все помню! Это было со мной, и я это помню!

– Фу-у-у-ух! – обрадовался Риз. – Ну наконец-то! А я уж думал, все, труба, никогда не вспомнишь!

– Я тебя тоже поздравляю. – Дюшка был рад за Элину не меньше Риза.

– Интересно, а теперь я всегда буду помнить то, что будет ночью?

Ребята засмеялись.

Ризи хотел еще немного погулять, но Эля устала, да и Дюшка уже зевал вовсю. И вся троица вернулась в отель.

Элина помахала всем рукой, удалилась в свой номер и вскоре заснула, ей сегодняшних событий хватило через край.

Ризенгри пожелал всем спокойной ночи и отправился к себе, попросив, чтобы его не будили.

Дюшка помахал Эле, кивнул Ризу, зевнул и скрылся за своей дверью без лишних слов.

Дюшке хотелось спать, но не спалось. На сердце у него было беспокойно. Он разложил по полкам свертки с новой одеждой, принял душ, включил телевизор. Пощелкал по каналам, убедился в том, что их много, и тут же выключил телевизор. Походил по комнате. Открыл пластиковый колпак, прикрывающий ужин. Еда на круглой тарелке – нечто вроде плова – оказалась еще теплой. В других по большей ча-

сти квадратных пиалах находились закуски. Что-то Дюшке было знакомо, что-то он видел впервые. Дюшка закрыл колпак. Есть ему не хотелось. Он подошел к тумбочке. «Если моя догадка верна, тут должна быть новая пачка денег!» – подумал Ключкин и выдвинул ящик. Новая пачка послушно лежала прямо посередине ящика. Дюшкино сердце замерло. Он вышел из своего номера и тенью проскользнул в соседнюю дверь. К счастью, она была не заперта.

Кукла сидела на месте. Вернее, валялась в подушках лицом вниз, как Дюшка бросил ее сегодня утром. Ключкин взял в руки негритенка и аккуратно посадил его в подушки.

– Ну, вот мы с тобой и попали в сказку, – прошептал Дюшка тряпичному негритенку с зашитой рукой. – Прости меня, что так получилось. Понимаешь, я никогда не хотел тебе зла. Но и никогда не считал тебя своим другом. Мне и в голову не могло прийти, что мы придем именно сюда. Я шел по следу одной крысы, то есть женщины, ну, не важно. Но потом уснул и потерял след... И нас выбросило сюда. В сказку...

У ангелов была такая сказка. Сказка про Маленькие Каникулы. Вот такая.

В одном мире жил очень хороший мальчик, который собирался стать ангелом. Но ребята, с которыми он дружил, вовсе не были такими же хорошими. Мальчик знал, что рано или поздно ему придется расстаться со своими друзьями, и его очень это, так скажем... напрягало. Однажды маль-

чик узнал, будто где-то есть место, куда попадают те, кому нет покоя в обычных мирах. В этом месте можно жить вечно в свое удовольствие, а попасть туда очень сложно. Мальчик долго искал это место и наконец нашел его. Он пришел туда вместе со своими друзьями, но их не хотели пускать.

Страж у ворот сказал мальчику: «Чтобы вам войти сюда, тебе придется дорого заплатить». – «Ты можешь взять все, что у меня есть!» – сказал мальчик. «Отлично! – сказал страж. – Я не возьму все и даже половины, и даже ничего не возьму – ничего материального. Я только возьму с тебя слово, что ты никогда не расскажешь своим друзьям об условиях, на которых я вас пусти». Мальчик кивнул, и стражник перечислил условия. «Это место называется Маленькие Каникулы, – поведал стражник. – Тот, кто сюда попадает, может жить тут столько, сколько захочет. Тот, кто сюда попадает, не может отсюда выйти никогда. Тот, кто сюда попадает, может выйти отсюда, только играя, но выход этот страшен, и выйти живым еще никому не удалось. Тот, кто не знает об этих условиях, может быть счастлив тут вечно. Тот, кто знает о них, будет счастлив у нас лишь очень недолгое время. То, что для твоих друзей может стать вечным счастьем, для тебя будет только маленькими счастливыми каникулами. И последнее условие. Как только вы войдете, ты будешь помнить об условиях, но позабудешь о нашем разговоре. Ну как, ты согласен?» Мальчик был согласен. «Откройтесь, ворота! Впустите всех, кого этот мальчик считает своими дру-

зьями!» – громко воскликнул стражник. В мгновение ока все оказались внутри, в замечательной сказочной стране.

Страна была здорово здоровская, и ребята веселились всюду. Это был мир, похожий на их собственный, только намного лучше. Погода всегда стояла отличная, еды и развлечений было навалом, а если нужны были деньги, достаточно было просто открыть тумбочку. Только ребят немного удивляло огромное количество дурацких кукол, разбросанных там и сям. Когда кукол набралась целая гора, мальчик спросил случайно проходящего мимо стражника, что тут делают эти куклы. «Это твои друзья!» – ответил стражник. Мальчик обернулся. Все его друзья увлеченно играли в футбол, с ними все было в полном порядке. «Это твои друзья-ангелы, – пояснил стражник. – Ангелы, попадающие в Маленькие Каникулы, навсегда превращаются в кукол. Ты что, об этом не знаешь?» Мальчик отрицательно покачал головой. «Мне и в голову не могло прийти, – прошептал мальчик. – Я не знал. Правда». Мальчик пошел прочь. Веселиться он больше не мог. Конечно, друзья стали приставать к нему с расспросами. Мальчик долго крепился. А потом не выдержал и все им рассказал. Но не успел он это сделать, как его друзья тоже превратились в кукол.

В отчаянии мальчик вновь побежал к стражнику, но тот ничем не мог помочь, ведь условия придумывал не стражник. Тогда мальчик захотел выйти. Выйти можно было, играя. Играть нужно было в карты. Мальчик стал играть. Но

проиграл. И тоже стал куклой. Как и все остальные, которые попадали сюда до него.

Дюшка усадил тряпичного негритенка в подушки и вышел. Слишком уж реальность походила на сказку. Так же как мальчик из сказки, Дюшка ничего не помнил о своем договоре со стражником, если такой разговор вообще имел место. Так же как мальчику из сказки, Дюшке одному было известно, что эта вечность называется Маленькие Каникулы, и для каждого из них она будет длиться ровно столько, сколько тот захочет. В отличие от мальчика, Дюшка мог утешать себя тем, что он никогда не считал ангелов своими друзьями. В отличие от мальчика, Дюшка знал окончание сказки, поэтому мог попробовать не совершать ошибок:

- ничего не рассказывать друзьям;
- никогда не пытаться выйти;
- никогда не играть в карты;
- и прожить в этом замечательном месте долгую счастливую вечность.

Дюшка вернулся к себе, съел остывший плов и лег спать. Но ему никак не засыпалось. Старая сказка ангелов все крутилась у него в голове. Почему в сказке ничего не говорилось о девчонках? Ведь у мальчика, который собирался стать ангелом, должны были быть не только друзья, но и подруги. Попали ли они в Маленькие Каникулы? Если да и если он с Элей и Ризом сейчас тоже в сказке, то есть ли надежда, что

он встретит тут, например, Варю Воронину?

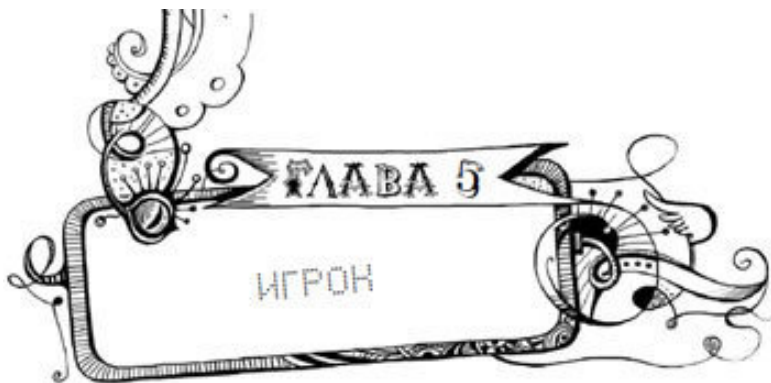
Дюшка лежал без сна и вспоминал, как они с Варей гуляли после школы. И как Варя выдала ему, что его должны взять на опыты. Никто ведь не сказал ему, одна только Варя поступила честно. А какие у нее были волосы! А клюв! А как мелодично она пела. Она просто потрясающе пела! А потом они нашли рыжего котенка. И Варя назвала его Тафанаилом. Интересно, а котенка можно считать другом? Котенок мог попасть в Маленькие Каникулы? А Варя – она же могла сюда попасть?

Дюшка вспоминал и вспоминал то, что было давно, на их родной Земле-11. На мгновение среди этих сладких полудетских воспоминаний возникло видение планеты, покрытой пленкой, – из инфошарика с записью конца света, но тут же исчезло.

Вспоминая Варю, Дюшка наконец заснул. Во сне ему приснились младшие сестренки-близняшки, первая учительница и Бьорки без тела, сидящий посреди каморки Марии Клушкиной на Земле-4.

Глава 5

Игрок

Расставшись с друзьями и пожелав им спокойной ночи, Ризи зашел к себе в номер, но спать ему совершенно не хотелось. Но не потому, что он был взволнован, как Дюшка. Нет. Просто супермутанты вообще могут не спать сколько угодно.

– Какой идиот будет дрыхнуть, попав в новый мир? – пробормотал он. – Пойду полетаю, что ли. Я тут видел летунов, значит, это никого не шокирует.

Но для начала он решил немного изучить местный быт путем привычного просачивания сквозь стены. Пару часов

Риз Шортэндлонг осторожно нырял в разные номера отеля (кой смысл ходить далеко?), но безо всякого успеха. То есть нырял он с успехом, просто ничего интересного для себя не обнаружил.

Как только совсем стемнело (а стемнело в У-У поздно, ближе к полуночи), Ризи спустился вниз и попросил на ресепшене карту города и карту окрестностей. И вот тут началось интересное.

– Вам обычную карту или карту с выходами и сокращениями? – уточнил разбуженный им белокурый юнец, одетый в сине-белую форму «Улиная».

– С выходами! – не моргнув глазом ответил Ризи и подумал: «Что еще за сокращения?».

Юнец порылся в ящиках и положил на стойку карту, сложенную в восемь раз. Ризи поблагодарил и развернул лист. Он оказался небольшим и плотным, смотреть было удобно. Но помещалось на нем небольшая часть города.

– Хм... Тут только «Улинай» и пара улиц вокруг. Мне бы карту всего У-У, а лучше...

Договорить он не успел. Юнец прикоснулся пальцем к листу и сдвинул изображение вбок. На карте появились соседние улицы.

– О, так она интерактивная! – обрадовался Ризи.

– Ну да! – кивнул работник отеля. – Можно изменять масштаб, прокладывать маршрут и так далее. Карта специально для тех, кто не стал мутангелом и не видит мутознаки.

«Так-так, мутангелы и мутознаки. Надо будет выяснить, что это такое!» – Ризи уже открыл было рот, чтобы расспросить о новых словах, но юнец продолжил:

– Вижу, что вам понятно, как пользоваться картой. А если вы хотите увидеть доступные выходы, то есть сокращалки, то это делается так...

Он сделал неуловимое движение пальцами, и над картой вдруг поднялся второй слой с какими-то вроде как трубками. Все это было достаточно фантастично и немножко слишком, даже для супермутанта.

– Ого! – обалдел Ризи. – Здорово! Эти штуки это... выходы?

– Да, – кивнул юный работник отеля, – но.

Он поманил Ризи пальцем и, наклонившись к самому его уху, прошептал:

– Но открою секрет. На самом деле все эти выходы – так, тьфу! Обычные сокращалки! Попасть с их помощью можно разве что в другое место, куда и так можно. А настоящий выход – вы-ход! – только один.

– Какой? Где? – тоже шепотом спросил Ризи.

– Тут! – Юнец прокрутил карту и ткнул пальцем в какую-то точку. – Это – единственное, что у нас есть по-настоящему крутое! Сейчас скажу, что надо сделать.

Спустя несколько минут Ризенгри Шортэндлонг, вооруженный новыми знаниями и паролями, уже летел в северном направлении. Шоссе послушно несло под ним ровной свет-

ло-зеленой полосой, мягко светящейся в темноте. Риз долетел до нужной точки, опустился с небес на землю и решительно вошел в придорожное кафе.

Большой квадратный зал, разделенный невысокими перегородками на несколько частей, тонул в приятном зеленоватом полумраке. Слева от входа, в глубине зала, был раскинут шелковый шатер. Полог его был откинут. Под шатром прямо на полу возлежала немолодая оплывшая «цыганка».

Диди. Не цыганка, а женищина-волхв племени Кря Ичпек Земли-115.

Вокруг нее горели зеленым пламенем такие же оплывшие немолодые свечи. Часть свечей стояла на полу, а часть была прикреплена к эфесам шпаг, воткнутых прямо в пол. Порыв ветра, ворвавшийся в кафе вместе с Ризом, качнул шпаги, и свечи тоже качнулись, задрожали, но выстояли. Ризенгри подошел к барной стойке, оглядел свалку салатиков на витринах под стеклянными колпаками и внезапно вспомнил о том, что не захватил с собой ни единого соля!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.